

Александр Анатольев

Сухинские берега Байкала

книга вторая

18+

Александр Анатольев

**Сухинские берега
Байкала. Книга 2**

«Автор»

2026

Анатолийев А.

Сухинские берега Байкала. Книга 2 / А. Анатолийев — «Автор», 2026

По Айгунскому и Пекинскому договорам с Китаем к России отошли земли по левому берегу Амура и Уссурийский край. Для ускоренного заселения этих малонаселенных территорий из центральных и юго-западных губерний страны хлынул небывало большой до этого поток переселенцев. Вероятно велением временем и судьбы на сухинских берегах срединного Байкала, где полыхала в то время уже всю золотая лихорадка, старанием переселенцев из Украины появилось новое село Заречье. А главный герой произведения Осип Бабтин неуемно жаждущий богатства отправляется в тайгу на поиск и добычу золота, где подвергшись жестокому нападению преступной банды разбойников, терпит сокрушительную неудачу. Но ни этот беспощадный удар, ни окончательный разрыв в любовных отношениях и конфликт в семье, возникший на этой почве, вызвавшие эмоционально психологический разлад в душе по возвращению домой полнейший, не порушили ненасытного его стремления стать любым путем, пусть даже и преступным, обладателем такого счастья золотого.

© Анатолийев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Анатолев

Сухинские берега Байкала. Книга 2

Глава 1

Местность куда направлялись золотодобытчики Филантия и Осипа сухинские тунгусы называли Бираяканом, а находилась она в труднодоступных горно-таежных дебрях пади, называемой ими Уеэнгри в юго-западных, станových верховьях хребта Ламуды, верстах в двадцати пяти пешего или конно-вьючного пути от побережья Байкала. Однако в назначенный день, как условились Осип Бабтин с Номоткоулем, золотостаратели туда так и не отправились, как впрочем, в день следующий, и третий. А причиной тому явилось то что, собирая на золото-промысел хоть и бывалый в таком деле, но бродяжно живущий и подчас не ладящий с законом вороватый люд, Филантий на удивление многих односельчан оймурцев устроил им, самые что ни на есть отменно-радушные проводы. На обширном хозяйском подворье своем, Филонов под открытым небом, три дня подряд накрывал для убывающих на золотодобычу в тайгу завидные, пышно ломящиеся застолья, уставляя их шикарнo-изысканным, даже по любым гастрономическим меркам того времени, разнообразием угощений и немереным изобилием спиртного.

В любых расходах до мелочности прижимистый и расчетливый, в этот раз он проявил необычайную щедрость в столь разгульно-хлебосольном гостеприимстве. Объяснялось это тем, что разразившаяся немногим более чем с полстолетия назад в Восточной Сибири золотая лихорадка с некоторых пор все заманчивее стала притягивать горячее желание и Филонова попытать счастье в столь заманчивом для него деле. Некоторые из наиболее расторопных иркутских его дружков, предпринимательствуя в баргузинской тайге и добывая там многими пудами этот металл, в самые короткие сроки, сказочно обогатились. Но если золотая слава на территориях северо-восточного Забайкалья давно была прибрана под надлежащий надзор государства, то на территориях, прилегающих к срединному Байкалу, по-прежнему бесчинствовало полное беззаконие, как одиночек золото копателей, так и небольших ватаг из числа все таких же отчаянных сорви голов. Здесь же активно и контрабандно промышляли китайцы, а за всеми ими зачастую неотступно следовали таежные варнаки, а то и напрочь отмороженные душегубы каторжные. Не редко объединившись в неплохо организованные банды, орудовали разбойно такие таежные преступники чаще засапожными ножами, но случалось, не брезговали и огнестрелом. Бывалый и опытный хозяйственник, Филонов в полной мере осознавал, насколько рискует он не только всем своим состоянием, но не исключено и жизнью, если окончательно решится на воплощение столь нелегко выпестованной им притягательно трепещущей мечты. И все же, всякий раз, раздумывая над этим, Филантий все больше и больше обольщался тем, что без сомнений, при любом раскладе, получит сполна хоть какой-то, но определенно-весомый результат, а там глядишь и реально завидную перспективу нового, более значимого для него становления, как первого предпринимателя золотопромышленника срединного Прибайкалья, причем уже на вполне законных основаниях.

Поэтому он и показал себя настолько щедрым в этот раз и лишь на четвертый день широко развернувшихся гуляний, собрав не в меру разгулявшийся и от чрезмерного виночерпия изрядно под опухший народ, расхмелил его и то лаской, то матерным криком, усадив на конские подводы, лично вышел провожать, аж до самой околицы села. Но, на этом расставание хозяина с золотостарателями не закончилось. Опохмелившиеся золотоносы не изменили вековым традициям русской загульности, и расставание их с гостеприимным хозяином, как-то само по себе переросло в продолжение дальнейшей гулянки, сопровождаемой откуда-то

не весть подвернувшейся гармошкой, с веселенными песнями, голосисто взводимыми умельцами самых разухабистых песнопений, тут же сменяющихся, то залихватской пляской, далеко не трезвых плясунов, то вновь их же задорным, а то и уныло тоскливым песенным продолжением. Вначале, как и полагалось, пили, всего-то на посошок, но, а потом изрядно подпьяневшие золотоносы «ломаю шапку» уже снобисто и чванливо истребовали от хозяина самолично уважить каждого из них, иначе выговаривали они: «какой же может ожидать их промысловый фарт». Филантий не противился такому продолжению и, приостанавливая продвижение конского обоза в Сухую, поднимал чарку за чаркой за здоровье очередного старателя и, конечно же, никак не меньше за большой успех столь обнадеживающего дела.

Проводы закончились тем, что провожаемые все таки как-то утомонились и продолжили путь, а провожающего с трудом уговорив, уложили в конский ходок и мертвецки пьяного возвратили домой. Золотодобытчики по вероисповеданию формально были православные, мало, а то и вовсе не верящие во всевышнего, не исключено по этой же причине, миновав бурятский улус Дулан, сочли просто непростительным грехом не уважить традицию местных инородцев обязательного соблюдения одного из древнейших обрядов их религиозного верования. Максим Столбновский, возглавлявший передвижение обоза, этим действиям совсем никак не противился, и беспрестанное «брызганье» спиртным всем духам, земным и небесным, запыхало настолько неистово ревностно, что золотоносы постарались не пропустить не одного, даже маломальского возвышения. Поэтому путь их конского обоза завершился в Сухой где-то к вечеру третьего дня, как они покинули село Оймур. Бабтин, встретив долгожданных гуляк, почему-то не стал выговаривать им какие либо неудовольствия, а лишь гневно припомнил Филоновскому приказчику о его недавнем злонамеренном спаивании эвенков, да к удивлению все еще не протрезвившихся золотоносов, снабдил их внушительным запасом самогона и незамедлительно выпроводил на Тунгусье, отрядив сопровождающими Ваську Коршуна да Федьку Креста. Сухинские эвенки, встретили золотодобытчиков не менее завидным, чем Осип молчалием и тоже без каких-либо особых неудовольствий. Они вероятно давно и неплохо усвоили широко известную во всем мире пословицу «русские долго запрягаются». Даже шаман Номоткоуль отличающийся крайней категоричностью неукоснительного соблюдения любых договоренностей, на это раз так же не проронил ни слова. И лишь когда вновь разгулявшиеся старатели, продолжили с его сородичами шумную попойку, то всего-то возмущенный тем, пригласил к себе соглядатаев Бабутина Федьку Креста и Ваську Коршуна, и пригрозил им отказом сопровождения золотоносов в тайгу, если те бродяги забулдыжные, тот час же не прекратят шумный ор и пьянку на отоге.

Федька Крест и Васька Коршун хозяина своего боялись панически и, зная, насколько тот бывает, крут за неисполнение его поручений, то непривычно для себя расторопно собрали на Тунгусье заново развеселившихся золотодобытчиков, и те ранним утром следующего дня без лишних слов покинули отог. Правда не обошлось и без курьеза, проводник их из тунгусов сухинских оказался слабоватыми к такому их разгульному виночерпию и после безмерного злоупотребления наравне со старателями опомнился лишь на вторые сутки. В дороге, он тяжело приходил в себя и все никак не мог понять, почему так скоропалительно покинул родной отог и оказался с русскими гуляками в тайге.

В итоге заезд новоиспеченных золотодобытчиков в тайгу растянулся на целую неделю. А к тому времени небеса над сухинским побережьем Байкала, надолго затянулись ненастной хмарью и на землю хлынули, то проливные, то заунывно мелко сеющие дожди. И случилось во всем восточном Прибайкалье, то упомянутое уже выше знаменитое наводнение 1897 года вызвавшее водный выход из берегов и своенравной, горной реки Сухая во многих местах таежных, по не длинному ее, русловому протяжению. Столь неблагоприятная для золотодобычи ненастная распогодица заставила Филантия Филонова отложить все, не менее важные другие для него дела и, невзирая на ужасное бездорожье поспешить в Сухую к Бабутину, где едва пере-

дохнув от тяжелейшего пути, он принялся настойчиво уговаривать Осипа, о незамедлительности совместного их продвижения в Сухинскую падь. Филантий просто не терпеливо одержимый пылал горячим желанием, как можно скорее попасть в Бираякан и лично удостовериться в положение дел сложившихся у золотостарателей. Осип же напротив, как мог, этому противился, и всячески отговаривался:

– Филантий..., и чо ты так лихоматом в тайгу рвешься! Какова лешева, попремся черте знат куды по такушей мы непогоде. Давай погодим..., не седни, так завтра она вседно ж кавдыто должна уладиться, да и завершение сенокоса из-за эдаких, сильнуших дождей под большущой угрозой.

– Х-м..., там же дело может быть всей жизни, под сомнение попало, а ты, сенокос!.. Чо, впервой чо ли эдак с ним? А там каторжане, забралися в чашу, да знай себе дрыхнуть..., харчами понапрасну проедаются! Им дармоедам за мой щет, чо там не околачиваться, а я ить, сам знашь..., бяду как димно поизрасходовался.

– Ну, дрыхнут оне там..., но и чо! Заявишься ты к имя, и чо-то там переменишь? Да ни в какую! Глянь в окошко, какой дождина, он ить вкруговую, вседно што из ведра хлещет!

– Неладно баешь ты Осип, неладно... – замотал отчаянно головой Филонов – ты в толк возьми ..., ежели, скажем, приедем мы сичас к имя не откладывая..., глядишь, и погодка разведрит. При нас-то оне попусту вылеживаться не станут..., делом займутся.

– Х-м..., разведрит..., а ежель нет..., да и потом ты уверен, што ненастье ремеслу золотомоев не помеха?– погруженный в раздумья парировал, угрюмо насупившись Бабтин.

– Баяли оне, как-то об том, слыхал..., а чо? – угловато воззрился на него Филантий.

– А то што, мысля..., ненастье переждать надобно и в тайгу валить по доброй погоде – все еще попытался всячески отговорить Филантия от его затеи Осип.

– Эка паря у тя и предложения! – хмурил брови Филонов и мгновение, помолчав, побагровев лицом, напыжился и заговорил более злобно и отрывисто – А коли, не хошь ехать, то и не надобно!.. Тока знай, ты мене коли получатся так, ужо и не канпания ..., я и один..., ежель эдак мыслишь, поеду ка.

– Ладно, Филантий..., делиться нам вовсе не с руки..., будь, по-твоему, едем... – тяжело вздохнул Бабтин, при промелькнувшей в его голове мысли: «не время рвать узы дружбы с эдаким упрямым, но фартовым напарником по многим совместно удачливым делам».

И все же в дороге Осип Бабтин беспрестанно и неумно клял себя, за то, что так легко поддался уговорам Филонова и отправился с ним в столь дождливый день, по слякотно раскисшему от избытка дождевой влаги таежному бездорожью, да к тому же невероятно дикому и глухому. А дождевой водопад с небес безмерный, то приостанавливаясь, то припускаясь, заунывно и тоскливо продолжал неустанно литься и некогда падь называемая тунгусами Илан Экил, с некоторых пор чаще именуемая местными русскими и бурятами Сухинской, встретила их далеко неприветливой ненастно-промоглой стыlostью. Осип и Филантий в сопровождение Анчикуоля, проводника из сухинских эвенков, словно прорываясь сквозь водяную завесу небесную, неподатливо заплетающимся конским шагом медленно продвигались по таежным чащобам, тем же маршрутом, по которому две с половиной недели назад провел их же золотодобытчиков Уванчан, проводник все из того же сухинского стойбища тунгусского. Верхняя одежда конников уже давно и насквозь обильно пропиталась влагой, а над мокрыми под дождем и разгоряченными в движение лошадьми, в пресыщенно влажном и знобко настуженном воздухе, точно легкий дымок, белесо курчалась их же потная испарина.

Для кипучей и непоседливо-деятельной натуры Осипа такая медленность таежного передвижения, из-за ненастно-тяжелых погодных обстоятельств, терзала даже не столько из-за какой-то, пусть и довольно обидной досады, что не сумел отговорить Филантия, перенести поездку на более подходящее время, а сколько каким-то невероятно тоскливым предчувствием обязательно непременной неизбежности неудачи, столь неплохо задуманного дела. Еще на

пути к Тунгусью, переправляясь через реку Сухая, он видел, как она вышла из берегов и на глазах топит все близлежащие к ней низины. От бывалых золотомоев ему доводилось слышать, что даже незначительное повышение водного уровня речных истоков отрицательно влияет на добычу золота в горах. И это еще больше обострило его предчувствие, которым перед выездом в тайгу с тунгусского стойбища Осип еще раз попытался поделиться с Филоновым, но тот едва выслушав, лишь насмешливо и пристально всмотрелся ему в глаза:

– И дамно ты Осип с едаким-то разладом душемным поякшался? – и расхохотался раскатисто едко – Ха – ха – ха! Тока я не из суеверных, паря буду ка..., и потому не в каки предчувства твои нервозны вовся не верую.

Версты через три от Байкала, путники поравнялись с величественно взметнувшимися к небесам скалистыми цикарами, в этом месте вплотную подступающими к побережью реки. Горбато возвышающийся её берег, здесь высоченным яром нависал над кипенно шумным и разверзшее грохотном стоне горной воды. По самому краешку этого отвесного обрыва, невесть как, укрепившись, рясно буйствовала ширь непроглядно-поросшими кустьями, густая зелень черемухи. Оставив за собой каменистый крутояр речного прижима, всадники приостановились и полюбовались изумляющим великолепием скальных круч, почти вертикальными отвесами утыкающие здесь пики своих заоблачных вершин в седое облачение небесное дождливой непроясени. Отдохнувшие в это время лошади пошли более подвижно и скалистые выси, с редким вековым дубасом по подножным их склонам отступили в сторону. Путников тот час же густо обступил тонконогий таволожник, от стенистой высокорослости которого и без того дневная ненастная угрюмость помрачнела еще больше. Кони, неожиданно оказавшиеся в затемненном лесном чертополохе настороженно запрядали ушами, беспокойно зафыркали, а их взволнованность невольно передалось и наездникам. Но, миновав густой чащобник, они несколько успокоились и пошли более уверенным шагом. Вскоре тропа все больше поджимаемая справа очередным крутосклонным отрогом горного кряжа, а слева водным руслом Сухинской речки, подвела всадников к еще одному круто скалистому прижиму. В ведренную погоду, конникам для дальнейшего передвижения по пади всего-то дважды надлежало переправиться через эту горную речку конскими бродами, удаленными один от другого не более чем версты на полторы. Но затянувшееся ненастье кардинально внесло свои коррективы. И проводнику Анчикоулю предстояло решить, каким путем следовать дальше.

В засушливые, знойно палящие солнцем дни лета, бесцветная студень сухинской речки, случается лишь едва шабарчит на каменистых мелководных перекатах, да шаловливо, то тут, то там омывает космато нависающую над текущей водой побережную зелень, и беспрестанным, монотонно-глухим шумом наполняет близлежащую к ней округу. Но стоит пройти обильным дождем, как на глазах она начинает разительно преображаться. И тогда, едва вмещаясь в берега, она стремительно пребывает и сметающие всё на своем пути мощные ее водные потоки, разительно помутнев, врываются на недавние еще мелководья, легко подхватывая даже огромные каменные валуны, и попутно выворачивая с корнями множество прибрежных деревьев и кустов, образуют нередко из всего этого переломанного и невообразимо перемешанного хлама страшно большие речные заторы. И тогда поднимающаяся все выше уровнем река неудержимо выходит из берегов и беспощадно топит все близлежащие к берегам приречные низины. Глубоко и овражисто взрывая их, она с неумолчным гулким ревом остервенело, штурмует и сносит самой же образуемые преграды из больших и маленьких величиной камней, древесного лома, а то и образует их где-то вновь и вновь.

Анчикоуль бывалый таежник с малых детских лет в столь неблагоприятно сложившейся ситуации не особо колебался перед выбором дальнейшего выбора пути. Он не сомневался, после изобилия выпавших дождей левобережная, заречная сторона пади, уже затоплена во многих местах большим половодьем и передвижение по ней конников вероятнее всего будет крайне осложнено, а то местами и невозможно. Продвигаться несколько вкруговую к Бирая-

кану по правобережному обрывистому прижиму реки, порой не превышающим и полу саженой ширины, было тоже опасно, но все-таки возможно, и он без долгих раздумий повел за собой путников. Крутосклонный отрог почти сразу же "придвинулся" вплотную к тропе замысловато и извилисто петляющей по его скалистому подножию среди огромных каменных валунов. Со стороны этот отвесный горный массив казался местами сплошным монолитом, но был множественно и глубоко пронизан сеткой трещин, многовековое образование которых давно и неумолимо разрушало его. Из-за этого тропу густо устилали: каменистая дресва, щебень, нередко обломки крупных валунных глыб, а нелегкий путь конным всадникам на всем ее протяжении то и дело преграждала труднопреодолимая вязкость глинисто каменистого грунта, обвалисто скатывающегося с нависающего над ней устрашающее обвислого склона из-за непрерывно идущего дождя.

Анчигоуль не впервые попадал в подобную ситуацию и вел себя завидно уверенно и даже для таких мастеровых конных наездников, как Осип и Филантий он подчас казался, бесподобно неподражаем в конской верховой езде по горным кручам. Заматерелые байкальские рыбаки они тоже с ранних отроческих лет бывали в разных морских передрыгах, но здесь в тайге впервые испытали, непредсказуемость передвижения порой по самому краешку опасно осыпающегося выступа каменистого побережья реки. И от того кони их периодически оказавшись в таких ситуациях, то дико округлив глаза, косились на оголтелое жуткую кипень воды, грохотно стонущую под обрывами, то лихорадочно содрогаясь, боязливо приседали на крупы, а то и, взбешенно дыбились над ревушим потоком, и своевольно пятились, бросались куда ни попади, не подчиняясь всадникам.

Но вскоре к душевному и физическому облегчению путников справа по ходу их движения синевато замаячили в хмуро-дождливой серости взлобки мысов примыкающего к центральной пади очередного распадка. Крутосклонные косогоры, окаймляющие с боков его устье, образовывали в той ширь-распашке чашеобразную котловину. Редко поросшая осинником её окраина как-то незаметно для всадников сменилась редколесными прогалами, а местами и более обширными полянами, на которых лишь кое-где красовалась пышно: кустистая черемуха, кронистая кипень рябины, да столь же высоко-ветвистой вербы. По всей этой котловине, точно великолепно сотканным ковром, устилались высокорослые травы густые, где все еще доцветали, как огромными кострами пламенно-огненные жарки и их уже сменяющее в такую пору, приглядно застывшее на стеблях, не менее яркое расцветье саранок. Как бы чуждаясь такой величаво-изящной грациозности, броско впечатляющими вкраплениями розовел чуть скромнее стороной клевер, благоухали изумляющей свежестью ромашки, колокольчики, да то там, то тут густо белели, синели другие цветочные произрастания, столь потрясающее бесподобного ее зрелищно-красивого таежного разнотравья.

Путники, пересекли и этот божественной красоты уголок первозданной природы, и въехали в густой, хмуро-темный, хвойный лес, где к тропе вплотную подступали, точно неприглядное лохматой сединой, покрытые белесоватым мхом толстенные стволы старых кедровых дубасов, высокорослых пихт, а где-то и широко-разлапистых елей. Безветрие и затянувшаяся дождливость погрузили в безмолвно-глухое оцепенение этот многовековой кусочек дремучей тайги, и множественное присутствие тончайшее нежных запахов пышно-цветущей котловины, здесь резко сменилось на терпкую, хвойную горечь, чувствительно пронзающую смолисто-летучей своей взвесью застоявшийся ее давно не проветриваемый воздух. Но вот замшелый, старый лес стал заметно редеть, и путникам в его просветах отчетливо завиднелся обрывисто высокий утес еще одного бережного, скалисто-высокого прижима реки. Ее русло, большим полукругом охватывая, оставшуюся позади всадников котловину здесь вновь упиралось в свое же гористое левобережье. Отвесно-виснувший над водным потоком скалистый утес, не имел, какого либо плоского подножья, для его преодоления. Всадники спешили и, ведя лошадей в поводу, по осыпающейся щебенчатой обочине крутосклонного берега реки,

опасно оскользаясь на мокрых от дождя каменистых выступах, поднялись на косогор, к которому примыкал этот утес. С заутесной высоты путники хорошо разглядели, как горный отрог за утесом этим поворачивает круто влево, а река вытягивается длинной дугой в противоположную сторону.

Спуск с косогора для конников оказался, еще более трудным, чем подъем. Но одолев и его, они выехали на мелко заболоченную, кое-где редко поросшую чахлым кустарником приречную низину. Тропа скрылась в болотной зыби, и лошади пошли по колено в чавкающей жиже, в направление определяемом только хорошо знающим эти места проводником. Но вот болото осталось позади, и путники выехали к подножию пологого увала, по склону которого высился, как не преодолимая стена, густой, смешанный лес. Петляя меж зарослевых его чащ, всадники затяжным, тянигусным подъемом поднялись на вершину увала, где за полого-гористым скатом, все изменилось. На фоне хмуро-дождливого дня и сочной травянистой зелени, перед конниками неожиданно предстало далеко просматриваемое, точно завораживающее их взгляды многоцветье большой лесной поляны, лишь изредка утыканной густыми скоплениями буйно зеленеющего черемухового благоденствия. Дождь то усиливался, то стихал, и лошади порядком подуставшие, шли под всадниками, проваливаясь местами грузно в рыхло-грязевый подзол её плодородия.

Глава 2

Крепко сложенным телесно и закаленным суровыми жизненными условиями Филантию и Осипу даже однодневный выючно верховой переход на лошадях, по мало хоженной тайге человеком представлялся достаточно не из нелегких и очень непростых, чрезвычайно изматывающих неимоверно духовно и физически. Множество самых разных опасностей при преодолении горных прижимов реки в ненастно-дождливую погоду повлияло негативно-угнетающее прежде всего на их эмоционально-психическое восприятие.

Как только высотно-скалистый утес сухинской реки остался позади, они тот час же нахлобучив, как можно глубже капюшоны лабошаков, заметно-расслабленно скукожились в седлах и в мерный такт лошадиного шага, сонно закивали, отяжелело поникшими головами. И только проводник Анчикоуль, как прежде ехал, довольно осанисто и казалось даже ничуть неутомимо. А все потому что ему таежному человеку здесь было привычно и знакомо все, с тех пор, как он впервые в раннем подростковом возрасте вступил самостоятельно на охотничью тропу. Ежедневно соприкасаясь с природой, и как бы сливаясь с тех пор с ней воедино он полно ощущал себя неотделимой её частицей, чувствуя себя здесь так же непринужденно естественно, как в тепле и уюте домашнего крова. Но не только по этой причине, в отличие от спутников, его сейчас не донимала полудремная сонливость. Анчикоуль хорошо знал, что в такое время года здесь безраздельно и повсеместно властвует царь таежного мира медведь и к нему нужно относиться с особым почитанием и уважением. А если так, то в тайге нисколько непозволительно вести себя беззаботно, или того хуже боязливо, где с благоразумной осторожностью необходимо быть постоянно собранным и готовым к любым непредсказуемым неожиданностям. И он вел себя, как подобает настоящему охотнику-следопыту, не случайно бросающему короткие взгляды по сторонам. Поэтому Анчикоуль пристально вглядывался: то под ноги коню, то подолгу всматривался вдоль тропы скрываемой в высоко-лопушистом разнотравье, выющейся виевато в слабо проглядываемой зелени густых черемуховых кустарников.

Возле одного из черемуховых кустов Анчикоуль, натянув повод, остановил коня. Шагавшие за его конем, кони спутников остановились в том же порядке, как следовали за ним. Филантий ехал первым за проводником и при остановке, качнувшись в седле, с недоумением открыл глаза, тяжело соображая о её необходимости. А Осип, тот и вовсе неловко «клюнул носом» и едва не вывалившись из седла, растерянно и не менее недоуменно озадачил спросонья проводника неуместным вопросом:

– Ета, по чо же друг мой..., мы тута остановились?

Анчикоуль молчал. Филантий слышав голос Осипа, не понял сказанного, но испытывая обостренное желание выяснить причину остановки, тронул коня и поравнял его слева с лошадью проводника. То же самое проделал и Осип, но приостановил своего с другой стороны. Теперь все они трое, словно былинные богатыри, конное поравнявшись в один ряд, только, не на привольных степных просторах, а в диких глухоманных дебрях тайги. Осип, окидывая, все еще не понимающим взглядом происходящее, повторился:

– Я чо-то ни как не пойму..., и по чо же ета мы тут остановились то?

Анчикоуль вскинув руку, молчаливо ткнул пальцем куда-то неопределенно вперед. Но Осип и Филантий, как не вглядывались туда же, ничего, кроме высоких склоненных над тропой обвислых трав, не видели и с еще большим недоумением воззрились на проводника. А тот, точно застыл в седле, и ничуть не шелохнувшись, продолжал настороженно всматриваться вперед. Теперь, все обостренное его внимание сконцентрировалось только на едва заметном для него следе лесного зверя, совсем немногим ранее путников, торопливо пересекшего тропу. И хотя след этот, был уже смываемый дождем, но опытный глаз лесного следопыта не замедлил

обнаружить его, всего-то мимолетно скользнув по слегка примятой зелени травостоя. И если для Филантия и Осипа, этот след продолжал быть не заметным, то для таежного охотника он и сейчас проглядывался достаточно отчетливо, и Анчикоуль той же минутой определил его принадлежность к конкретному лесному обитателю, и что еще более важно, безошибочное направление его передвижения.

След шел в верховья пади, и это немало насторожило и обеспокоило Анчикоуля. Впереди могла быть совсем не желанная встреча с тем, с кем эвенки, по не писаным законам таежным, предпочитали в летнее время совсем не встречаться. Обычно в подобных случаях тунгусский охотник, первым отступая, как можно дальше обходил стороной место таких нежеланных встреч с хозяином тайги, и Анчикоуль уже размышлял, как ему более целомудренно поступить в данной ситуации. От тягостно зависшего молчания, Осип и Филантий, в который раз, в недоумении переглянулись между собой.

– Ты хошь чо-то понимаешь? – первым нарушил затянувшуюся паузу молчания Филантий.

– Ет хомоты – вместо Осипа, озадаченно-тихо обронил настороженный Анчикоуль.

– Хомуты..., какие ишо хомуты тут могут быть?! – продолжил раздраженно Филантий.

– Амака... – перефразировал почти шепотом только что сказанное самим проводник.

– Амака!? – вторя ему, точно эхом отозвался удивленно и Осип, ошарашено осенившись догадкой, как вдруг съезжился, и от того удрученно растянул осипшее дальнейшие свои слова – Ме-е-д-ведь, го-во-ришь? – как снова озарившись улыбкой, едко переспросил – Да где ж ты его милочка углядел-то..., а! – и уже совсем расслабившись, громко расхохотался – Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха..., хлюпанул ты, однако паря бравенно..., парень!

Его поддержал таким же, раскатистым, но еще более насмешливым хохотом Филантий:

– Ха-ха-ха..., видно косоглазому чо-то пригрезилось! Ха-ха-ха

Прекратив смех и, наотмашь смахнув рукой слезы, Филонов лупнул ехидно округлившимися глазами на таежника, и еще более ядовито съязвил:

– Оно паря так бывает..., ежели скажем здремнуть малость в седле.

Но к полнейшей неожиданности, все еще немало озадаченный и находившийся в мимо-летных раздумьях, проводник, вдруг резким выбросом руки вперед, оборвал желчное словоблудье Филантия и, указывая пальцем, обратил взоры окружавших его таежных спутников туда, куда с особо пристальным вниманием и жгучей настороженностью озабоченно тревожно вглядывался сам. Прямо перед собой, в саженях сороках, или чуть более, теперь уже все три всадника мгновенно увидели большого, бурого медведя с палевой полосой, узко тянущейся вдоль массивной его спины. Косолапый властитель тайги, в такое время года, обычно, все еще пребывающий тощим и голодным, валово вышагивая вдоль тропы, неспешно, одиноко бродил здесь в поисках пищи. Дождливая непогода крутила и бросала лесной воздух в разные стороны, и потому запах конский он хватил запоздало, но уловив его, незамедлительно кинулся к потенциальной жертве. Однако стремительно приближаясь размашисто огромными прыжками к ней, он неожиданно для себя разглядел и лошадиных наездников, а это совсем не входило в столь желанно-аппетитные его предвкушения. Каким бы сильным и смелым хищником медведь не был, он с рождения, с молоком материнским наследует для себя то, что во многом несравненное с ним, пусть и довольно слабое двуногое существо в противовес ему владеет громоподобным и очень смертельно опасным огнебоем. Поэтому-то при любой возможности таежный хозяин старается избегать всевозможных встречных столкновений с человеком, и только, столкнувшись с ним в «лобовую», никогда не сворачивает в сторону, а тот час же решительно атакует напропалую. В данном случае он обнаружил людей запоздало, на значительном расстоянии и не был лишен пути к отступлению.

Поэтому приостановив бег, зверь, предвкушено готовившийся к нападению на жертву, резко вздыбился и устрашающе оскалив пасть, оцетинился и взъерошился загревком. Какое-то время, поднявшись на задних лапах в полный рост, он, все еще вышагивая, приближался

к встречным по инерции, и тем самым неимоверно ошеломил и вверг в панику и лошадей, и спутников охотника-проводника. Кони испуганно захрапели, и ошалело шарахнулись в разные стороны, но расторопно и умело сдерживаемые всадниками, одичало, и взбешенно заплясали в тот миг под ними.

В суматохе Осип хоть и запутался в лямках котомки, но, все ж таки, сумел, резко откинувшись назад, скинуть с плеча кремневку, а Филантий охваченный паническим ужасом, забыл о своем вооружении и как полоумный с дико округлившимися на судорожно перекошенном лице глазами, заголосил истошно-пронзительным воплем:

– Вед-мечь! Ды-к ета ж..., ж, взаправду ве-д-д-мечь! Мужики..., да чо ж..., не стреляете!

– Эда (Зачем)! – столь же пронзительно громко вскричал и тунгус, и отчаянно замахал руками – Тар атыркаңа, нэлэму гарпадя-ми! (Это медведь особого окраса, грех стрелять!)

А медведь отступая, той же минутой поспешно пересек лесную поляну и скрылся в кустах на ее окраине. Анчикоуль, опустив поводья, жгучим огревом плетки, кинул лошадь вперед, и резко вздыбив, остановил ее там, где только что находился хозяин тайги. Пружинисто спрыгнув с коня, он присел на корточки и пристально принялся всматриваться в следы уходящего зверя. Глядя на проводника, Осип и Филантий, столь же рьяно понужнув лошадей, машинально повторили его действие и спешили рядом с ним.

Теперь, всем троим путникам, отчетливо виделись на тропе большие следы лесного хищника, косолапо вдавленные в землю под его немалым весом. Эвенок поднявшись, подошел к лошади, и легко вскинул себя в седло. Его спутники с завидной расторопностью кинулись следом к своим лошадям. Тронув с места, Анчикоуль увлек за собой и их. Поравнявшись с кустами, где медведь только что скрылся, Осип с Филантием, скорее почувствовали, чем поняли, что зверь не ушел далеко, а находится где-то совсем рядом. Скрываясь в буйстве таежной зелени, он, вероятно, идет впереди, и не исключено, той же тропой их передвижения. И хоть старались они тщетно скрыть свою перепутанность, но столкнувшись впервые с медведем в тайге и оказавшись из числа людей не самого смелого десятка, через какое-то время откровенно запаниковали и начали беспрестанно оглядываться по сторонам. Анчикоуль, конечно же, обратил внимание на круто изменившееся поведение спутников, но, не подавая виду, всего лишь молчаливо усмехался. Однако вскоре у Осипа окончательно сдали нервы, и он занервничал нескрываясь. Держа заряженное оружие в руках наизготовку, в панической озабоченности лихорадочно разбрасывал он мысли: «Их путь, и в хорошую-то погоду бог ты мой труден и опасен, ведь едут то они по бесподобно дикой и глухой тайге, полно кишасей кровожадными медведями готовыми в любой момент сожрать их может быть даже живьем». К тому же, как не старался Осип разглядеть под конскими копытами тропу, по которой они ехали, так её и не углядывал. Все это в совокупности, в угрюмой и мало проглядной сумрачности дождливого дня, представлялось ему не иначе как продолжал мыслить он: «Ломятся, не особенно выбирая дорог они, кажись прямым в пасть может ишо к более опасному хищному зверюге на обед, чем с каким только что повстречались». А обреченность такая удручающая, для пылкого воображения Бабтина была настолько ужасающей, что ему вдруг до невозможности захотелось, есть, но часов, как водилось привычно у конных всадников в те времена не было, поэтому в столь хмуро пасмурную погоду он все никак не мог сориентироваться с текущим временем. Наконец Осип не выдержал своей эмоциональной издерганности, и поравнявшись с проводником, заговорил нервно срывающимся голосом:

– Слушай-ка, парень..., тьфу – Осип досадливо сплюнул – Я ета..., даже и подзабыл, как ты паря-то и кличут..., а да, навроде Андидобуль..., чо ли?

– Эвенок обернувшись к нему, усмехнулся:

– Гэрбив (меня зовут) Анчикоуль – и вновь устремил взгляд куда-то, в таежные заросли.

– Анчикоуль?! А..., аха, понятно..., так это..., как думаешь, сколь шичас время?

Эвенок улыбнулся, взглянул на серость дождливого небосвода, покрутил головой, и всего-то пожав плечами, отвернулся и понукал коня. Но Осип не унимался:

– Вот немтырь-то, а..., да ты хошь бы пальцем показал, где теперича солнышко! А то ить мы и не знам..., обед ли шичас..., аль дамно уже можа быть и вечер.

Тунгус, среагировав на сказанное, еще раз запрокинул голову к небесам и, не оборачиваясь к Бабтину, поднял руку и ткнул в зенит небесный указательным пальцем. Осип, то же задрал голову, и мелко подрагивая ресницами от неприятно сыпавшегося на лицо дождя, стрельнул из-под капюшона глазами на серое однообразие небес:

– Понятно..., стало быть, дамным дамно обед.

А тем часом, где-то там, за уплотненно-ватной дождливостью облаков, во всю блистало полуденное солнышко, а в сокрытой дождливым мороком тайге, где усталых путников со всех сторон обступала косматая, широко-разлапистая мокрень ее зелени, стоял, казалось уже сгущающийся по вечернему сумеречный полумрак.

– Анчикоуль, ты останавливаться-то думаешь..., али как? Передохнуть бы на-а..., да и пожрать требуется..., а то сколь времени едем, а ты, как в рот воды набрал, все молчишь.

– И взаправду парень..., пора бы где-то остановится, оно ить без останову шипко чижало беда как долго ехать – поддержал Бабтина словом и Филонов.

– Эчэ (Нет) – ответил эвенок, и взглянув на Осипа, продолжал – Би тыкэн дэрүм кимчэв, би туги сот депмулим-вал, аг-ми бира хунту хэгдыңэ. Эр бира Уеңрэ гэрбин. (Я тоже бы отдохнул, я тоже очень хочу есть, но надо достигнуть берега еще другой большой реки, река эта называется Уенгра).

– Чо сказал етот чучмек? – воззрился недовольно на Осипа еще раз Филантий.

– А черт его знат, чо он тараборит.

– Так вели ему, што б баял по-русски.

– Ты чо, не вишь чо-ли, он же по-нашенскому не белмеса.

– Тавды, зачем брал его с собой?! – вскипел еще большим возмущением Филонов.

– А другого нам не дали! – вспыхнул ответным раздражением и Осип, и насмешливо скривился в лице – По добру-то оно и нам бы не мешало владеть евошним языком.

– Хм..., ето ишо по чо?! – хмыкнул искреннее удивленный Филантий.

– А по то! Проводник-то нам с тобой шичас более нужен, нежели мы ему.

– Ося, у тя с головой все ладно? – ухмыльнулся ядовито Филонов.

– Не знай, Филантий, не знай... – посуровел лицом Бабтин и дотянулся рукой до плеча эвенка. Проводник обернулся, а Осип, проговорил ласково, умоляюще – Анчикоуль, ты хошь мало-мало-то по-русски, говореть способен.... Али как?

– Би синэ аят тылинңэм, эвэдыт-дэ гундэв ургэ лучадыт. (Я вас хорошо понимаю, но мне трудно говорить с вами на русском).

– И чо ты теперича понял из евошной тарам-барам? – все так же ехидно продолжал взирать на Осипа Филантий. Но Бабтин в ответ лишь пожал плечами и с кислой гримасой на лице, разочаровано и тяжело-важно выдохнул:

– Ничегошеньки паря толкового.

После слов произнесенных Осипом, Анчикоуль побагровел лицом, и замельтешив из-под тонко очерченных и ершисто приподнятых бровей недовольно раскосыми глазами, заговорил с ожесточенным усердием подбирая трудно произносимые им слова:

– Лучадыт мал, мал, понимай..., но гобори ете по ваша лучадыт моя..., чипка худа.

– Слава, те осподи, хошь таких-то слов от тя добились! – заулыбался благодарно Осип.

– Эта ишо кака така лучадыт? – переспросил его все так же недовольно Филантий.

– Луча по их наречью, насколь я знаю, означат русский, стало быть, он понимает нас, но по-нашенски бает худо – как и эвенк, наморщив лоб, вслух соображал Бабтин и той же

минутой задался прежним вопросом к Анчикоулю – Так чо скажешь Анчикоуль..., скоро ль остановимся передохнуть, да отобедать?

– Эчэ, со мэргэпчу-вал (Нет, очень жаль, но)! Ет как по баша гобори ..., а..., чипко ходи нада..., бирая Игичиңрэ хэгдыңэ... – ответил, Анчикоуль, с усердием подбирая к словам родного языка трудно и ломано произносимые им русские произношения.

– Каво?! – вновь было переспросил Филантий, но Осип вспыхнул раздражением:

– Каво, каво! Он навроде бает, идти надо ишо и шипко..., а вот куды, холера его разберет.

– Му – произнес Анчикоуль и широко раскинув руки, прошипел отрывисто и продолжил – Он ет бирая, со сомат кугунэде-ми (очень гулко шумит) – ткнув рукой в сторону реки, издающую такой же шумный хлопок на каменистых перекатах, завершающе дополнил – Му (вода), ет ш-ш... кэтэ-гу (много). Хэгдытмэсэл (большая) ет бирая (река) такая Игичиңрэ.

Наконец-то догадавшись, о чем пытается выразиться проводник, Осип разулыбался:

– Вот теперича-то парень я тя кажись тима... – и обернулся к Филантию – Ежель все верно понял, ехать надо к какой-то реке Игичиндре и она кажись, беда как шибка шумна.

– Так это, поди, как раз там, куда наши мужити золотишко увалили мыть?! – не менее озаренный восхитительно в своих догадках, засветился улыбочиво радостно и Филантий.

– Эчэ, алтанма силкивил-мй. (Нет, там не моют золото) – резко окинув взглядом Филонова, отрицательно покачал головой Анчикоуль.

– Чо!.. Ужель неладно баю? – смутился Филантий и сокрушенно взглянул на Бабтина.

– Кажись так... – обронил завершающее разговор путников поникший взглядом Осип.

Глава 3

Удалившись версты за две от большой черемуховой поляны, где не более, как час назад столкнулись с медведем, кони путников, со значительным отклонением вправо, преодолев бессчетную полосу хвойного леса, вновь приближаемо подступились к сухинской речке. Гористо-возвышающееся над ее речным руслом правое побережье, вытягивалось продолговато-пологим спуском к урезу его воды, и было сплошь поросшее изобильно густым и широковетвистым ольховником. Еле заметная перед тем тропа в нем, тот час же растворилась бесследно. Буквально напропалую проломившись в целик, сквозь буйства гущины зарослевых его сплетений, всадники выехали на более крутое завершение гористого уклона и спустились на каменистую подошву довольно ровного речного берега, шириной, не превышающей пяти саженей, лишь кое-где заваленную большими нагромождениями из булыжника и более крупных каменных глыб. Хорошее знание местности позволило Анчикоулю без особых затруднений вывести всадников к наиболее подходящему в такую погоду месту для переправы. Длинной в полторы сотни саженей, шириной в две трети от того, равнинное, с небольшим уклоном приплёсье, позволяло реке здесь резко сбавить быстротечный нрав, так как в солнечную погоду это было не более чем широкое, вяло текущее мелководье. Но с превышением речного уровня, она с гулким водоворотным кипением, едва вмещалась в обширную прирусловую ложбину эту, яростно обдавая пенистыми брызгами бережную зелень и каменистость. И непрерывный гул ее, еще более звучным эхом гомонился во всех ближних горах и распадах.

Боязливо косясь на гулко стонущий речной поток, кони, всхрапывающие и подрагивающие телами, нерешительно подступились к воде. Но видимо испытывшие не одну опасность при переходах по горным речным прижимам, они вскоре успокоились и прекратили бояться шумного водного бурления. Всадники спешили, передохнули и принялись готовиться к переправе через реку. Прежде всего, каждый проверил исправность конского снаряжения, состояние упаковки и завязки горловин сумочных чересседельных баулов. Анчикоуль выхватив из-за пояса топор, вырубил длинный шест и, поправив на плечах котомку, ружье, взял под уздцы свою лошадь, и первым вошел с ней в воду. С некоторым интервалом за ним последовали один за другим неотступно и его спутники. Чем дальше они удалялись от берега и глубже ступали в воде, тем сильнее становился напор течения, и тем глуше становился для них ее гулко рокотный шум. Ледяная вода, обдав жгучим холодом, сразу же сбила дыхание и вызвала не прекращающуюся дрожь. Но вскоре лихорадочно знобящая лихоманка сменилась на болезненно-судорожное сведение конечностей и путники начали скользить, срываться на лежащих не ровно на дне камням. Бурный поток половодья, сбивая с ног перебрдающего через реку человека, не оставляет ему практически ни каких шансов встать снова на ноги, что крайне опасно. Но куда более опасны донные ямы и рытвины, преодоление которых в половодье вслепую, как правило, заканчивается трагической развязкой. Зная об этом не понаслышке, Анчикоуль брел впереди переправляющихся, и успевал не только расторопно ощупывать шестом дно реки, но и, опираясь на него не теряя опору под ногами, не упуская из рук повод своей лошади. Следовавшим, на некоторой дистанции за ним Осипу и Филантию было значительно легче. Бредущие, как и он, уже по пояс в воде, они ступали, ухватившись за уздцы и гривы лошадей, все-таки увереннее, где только что проследовал проводник.

Из-за непрерывно идущих дождей, все больше возрастающий уровнем поток ненастного половодья, стремительно несущийся по крутому, не широкому, местами каменисто загроможденному, руслу реки, создал, вероятно, уже где-то выше по ее течению крупный мусорный затор. Но затем, до того как путники подступились к реке, он с не менее возрастающим напором возможно прорвал его и устремился вниз по речному ложу. Однако, не вмещаясь в него и упе-

ревшись в каменистые кручи правого берега, он остервенело, и неудержимо хлынул на левобережье и, затапливая более чем в полсажени глубиной его ложбинные низины, чудовищно повалил и переломал там буйно зеленеющую перед ненастьем древовидную и кустарниковую растительность.

Наводнение все еще продолжала нести по реке разный коряжисто-ветвистый древесный лом, когда путники достигли противоположного берега. На сплошь залитом водой побережье, порушенная в мусорный хлам бывшая его растительность, лежала не только большими завалами, но и даже не меньшими нагромождениями поверх изуродованных деревьев и кустарников, стволы обломки некоторых из них, теперь лишь обшарпанными остовами, сиротливо и жалко торчали из воды. Картина поистине дикая и немилосердно жестокая, но как не парадоксально одновременно и необыкновенно величественная. Но усталым путникам было не до праздного ее обозрения. Основательно промокшие, продрогшие под дождем, да еще и в ледяной речной воде, при переправе, они, отяжелевши грузно, взгромоздились на лошадей, и через четверть часа, затопленное, заваленное древесными останками, благоухающей еще совсем недавно пышной лесной растительностью левобережье сухинской реки, осталось позади. Кони шли по сосново-лиственничному редколесью, его подножье здесь как и прежде повсеместно утопало в густо-зарослевом чертополошь тонконогих побегов его же молоди. С неба продолжал сыпаться противно-морозящий дождь, и посиневший, лихорадочно трясущийся от переохлаждения Филантий, останавливая коня, заговорил, сипло-срывающимся голосом:

– Мужики ..., моченьки, уже боле никакушей нетука – и чуть помолчав, добавил тоскливо-умоляющее – Христа ради прошу, давайте-ка..., будем, однако останавливаться.

– Экун (что)? – отозвался проводник, приостанавливая коня. Не дождавшись ответа, он повернул его назад и, подъехав к Филонову, повторил вопрос:

– Эран (что случилось)?.. Филантий, эва гэлэденни (что тебе нужно)?

– Напрасно ты парень лопочешь, вседно ж ничо не возму в толк, чертяка ты не русская.

– Моя гобори..., почто тбоя стала..., игдымэмэт (во всё горло) кричи?

– Дык, кажись амба ..., все..., приехали! Оно ить..., и околеть эдак недолго.

– И всяго-то..., ха-ха-ха! – расхохотался посиневший от сильного охлаждения и Осип, но тут же обернувшись к проводнику, спросил – Но, а ты Анчикоуль..., чо про то скажешь?

– Би упкачив улапим туги (Я тоже весь промок) Буга улача, буга олгид ан (Небо намочило, небо высушит). Тэрэдевкэ (Надо терпеть).

– Вот вишь Филантий! Он, ить, ни скока не жалобитса, хошь и бормочет черте знат чо, а за тебя я ижно весь перепужался ..., не вдругорядь ли медведь те на пятки наступат.

– Хы..., ведмедь! Ты сам-то чо..., двужильнай чо-ли?.. Ить до нитки ж мы мокрехоньки ..., в обутках водищи..., борони бог, как жулькает!

– Тар упкачин (только и всего)! – рассмеялся Анчикоуль.

– Но и чо што жулькают – еще более насмешливо отозвался и Осип.

– Дык, надобно останавливаться, огонь распалывать, да греться.

– Хы!.. И где ж ты в эдакой то мокроте дров сухих сыщешь?!

– Та хошь бы переобуться..., одёжу сыру котору скинуть..., попеременить.

– Не Филантий, надо как можно живее отселяя ехать далее, да где-то в другом месте добру сушину гля огня сыскать.

– Эче!.. Ете делай сопсем чичас не можна – возразил Анчикоуль.

– То ись..., как ето не можно? – уставился на него недоуменно Филантий.

– Идарикэн мукэн бигин-ну (горькая ешь)?

– Чо?! – не понял Филонов

– Моя гобори..., араки..., хэкухи (водка)?

– Ах, архи..., ну да, ну да! Шичас и верно..., самогоночки-то беда как не помешает.

Всадники сгуртовавшись тесным кружком лошадьми, спешили. Осип, с трудом скинул с себя котомку, и трясущимися от охлаждения руками долго развязывая ее устье, выдернул из нее жестяную кружку, ломоть хлеба и бутылъ самогона. Наполнив кружку и подавая ее Филантию, он произнес:

– На..., шваркни-ка по всей гля сугреву

– Спаси христос! – Филонов перекрестился, и осушив кружку залпом, смачно крикнул – Ох..., и крепка ж ты моя голубушка! – и возвратил кружку Бабкину – На-ка Осип, да, подай-ка таку ж полнехоньку и проводничку нашему – и оборотился к Анчикоулю – Но парень, я те так скажу..., ты паря шибко молодец! Верь, не верь..., а без тебя, ету водяну прорву небесну и речну..., нам бы в жисть не осилить. Верно, Осип!

– Об чем баять..., он просто беда какой молодчага!

– Эче! Ете не моя сопсем..., ет мит очат (мы все сделали), ете буга бучэ..., неба псе ет делай – запальчиво выразившись, разулыбался эвенк.

– Хы, сказанул, да небо-то, нас тока вымочило, а речка вусмерть чуть не запропастила!

– Эче! Оська, почто така худа гобори. Эр со эру (Это очень плохо). Оська, тбоя дяличи бэе (разумный, человек). Мит эвэнкил (мы эвенки) псегда гобори, чито ете буга бучэ.

– Анчикоуль..., тебя не переспорить, ни переговореть. Ладно..., пусь будет эдак.

Налив полную кружку самогона, он подал её ему с кусочком хлеба и завершил словами:

– Возьми..., да дерни сполна, за все доброе што предстоит нам ныне сделать.

– Пасиба... – Анчикоуль принял кружку, ритуально побрызгал из нее самогон на все четыре стороны света, произнес молеbstво и добавил к тому – Сиңкэчи бэе балдывки, сиңк-энмэн буга бувки (Удачу имеющим, человек рождается, удачу небо дает). Гиркулкан дялис бутунну дялувугин (пусть исполняются все твои желания) Оська.

Дотронувшись губами края кружки, он медленно вцедил в себя содержимое, и от сильнейшей крепости поперхнувшись, заговорил вновь восторженно и сдавленно:

– Бой-ё... уж да кака он чипка идарикэн мукэн!

– Чо хороша..., ишо линуть? Ха-ха-ха, – участливо справившись, расхохотался Осип.

– Элекин (достаточно) – отказываясь, замотал головой эвенк.

– Ха-ха-ха..., ужель и тя она сударушка проняла?! – полюбопытствовал Филантий.

– Э..., элэкинди (Да..., вполне)!

– Но ничо, ничо, зато хлестко согреешься – и Осип, наполнив кружку, выпил воскликнув – Эх..., как же она хорошо то пробирает..., ижно до самого нутра прожгла!

– Э, со ая..., һэку оран тыкин-дэ..., тэли синду пасиба (Да, очень хорошо..., теперь стало даже жарко..., за это вам спасибо) – разулыбался благодарно Анчикоуль.

– Ладно, ладно будет те. Ты лучше скажи, далеко ли ишо ехать?

– Эче дагакан (Нет недалеко) – Анчикоуль отрывисто махнул рукой, указывая путь движения – Таду, мол, ачирватын этэв-ми (Там закончится безлесье). Таду дага ге биракан ухатмар бисин (Там речка меньше вторая будет).

– Тогда чо ж мы тут ишо стоим, трогаемся! – завершил разговор повеселевший Бабтин.

Путники продолжили путь и вскоре редколесье, начало сменяться более безлесными прогалинами, покрытыми местами клочковато мелким кустарником, да изредка высоко-кустистой черемухой. В густой зелени благоухающего разнотравья кое-где впечатляюще красовалась ломкая крушина, да прикрываясь большими, раскидисто веерными листьями папоротников, пестро кумачовым цветом одиноко, редкостно уже алели первые грибные побеги мухоморовых семейств. Справа от путников, по ходу их движения, начал все отчетливее прослушиваться шипящее нарастающий шум клокочущее бурливой речной воды. Это и была речка Уенгра, которую в то время русские сухинцы уже называли Поперечной, за густым лесистым правобережьем которой временами все размыто и не ясно сквозь затуманенную седину затянувшейся дождливости проглядывала синь отдаленных горных склонов, и чрезмерно утомлен-

ные, насквозь промокшие конные всадники понимали, что находятся где-то в самом начале не очень широкой горловины этой пади. Половодье вышедшей из берегов критически превысило водный уровень реки. Передвигаясь по всхолмленно-пересеченной местности, они то и дело наезжали на залитые водой низины, и объезжая их, выехали в одном месте на не широкую, но довольно протяженную лесную поляну, с огромными хаотичными нагромождения бесчисленно поваленных и переломанных, когда-то давно страшной бурей деревьев, образовавших в этом месте труднопреодолимые для них лесные завалы и заломы.

Осип и Филантий с немалым изумлением вглядывались в столь давний ветровал из уже полусгнившей, а то и совсем трухлявой древесины, в надежде отыскать в них хоть какие-нибудь для ночлега дрова, но ничего подходящего не обнаруживали. Эти полуразвалившиеся, но по-прежнему все еще почти непроходимые даже для лошадей, буреломы окружающей таежной глуши жутко угнетающе воздействовали на них. За день пройдено не более двух десятков верст. И видимо по этой причине Осипу и Филантию временами начинало казаться, что они забрели сюда навсегда и уже никогда не выберутся из этих страшновато-ужасающих древесных останков. Даже лошади, презрительно притомившиеся грузновато вышагивали, понуро опустив головы. Только проводник Анчикоуль, как и прежде удивлял своих спутников тем, что безошибочно находил выход, казалось бы, из совершенно тупиковых и абсолютно неодолимо бесконечных лабиринтов. И как в подтверждение тому, виевато извилистая и малоприметная им охотничья тропа, сколько не петляла среди давнего лесоповала, наконец-то вывела путников на крутой бережок небольшого горного ручья, где громоздко высилась груда обломков смолистого кедрового валежника. Как по заказу дождь к этому времени прекратился, а впереди, сколько доставало взглядам путников, за весело журчащим ручьем ровной, словно неприступно щетинистой стеной представал величественно моложавый лес. Филантий и Осип, завидев его и заслышав скворчащее говорливый клочок ручья, даже не обменявшись словом, как по команде свалились с них совершенно обессилено. От непрерывной верховой езды, стянуто и тяжело, вышагивая, поднялись они на прибрежный ярлок, где с ходу упали в сочную зелень травы и замерли, свободно раскинувшись безразлично ко всему расслабленно в полнейшем изнеможении. В отличие от них, Анчикоуль резво спрыгнув с коня, поочередно разнуздал всех лошадей и, освободив их от седел и вьючных сумм, пустил на выпас на длинной веревочной привязи. Закурив трубку, он подошел к высоко скученной громаде смолистой древесины и на берегу ручья, который русские позднее назовут Васильевским, не замедлил задымить костер. Вскоре озорно, игриво язычки разрастающиеся его пламени лизнули полуведерный казанок, по-охотничьи подвешенный на таган .

– Нимат нэнэкэллу (идите быстрее) к огню, гретса будим – проговорил жизнерадостно он – ужина вари нада. Нэнэгэт бучу-ми (Пойдемте, собирать валежник), дорба руби. Хозяин ет места, Николка сбята, угости нада ..., чайва умдявун амарила (чай позже попьем).

К этой минуте спутники проводника, передохнув, развязали седельные сумы, котомки и, разобрав упакованную поклажу, переоделись в сухое, а после сказанных Анчикоулем слов, вынув топоры, все принялись дружно готовить дрова для ночного костра.

Дождливая непогода разведривалась, в западной стороне над таежным пространством, в разрываемой на лоскутья небесной серости, начали хаотично раскрываться небольшие, голубые прогалинки. Солнечные лучи, все еще робко пронзаясь сквозь них, с величественным великолепием осияли тайгу, с избытком умытую дождевой свежестью. И вот в западной стороне там, где за дальней синью гор плескался Байкал, над темной кромкой леса, такой же крохотный просвет голубого неба начал неумолимо расширяться, и в нем засиял весело полно выкатившись, солнечный диск. Заблестав ярко золотистыми лучами, он утверждающее пообещал ясную и хорошую погоду на ночь и во всей таежной округе, точно спохватившись, голосисто заверещал, запел радостно и звонко разноликий, птичий мир. С приближением темени он точно по команде отрывисто смолк, как и начался. Невыразимо уставшие за день Осип и

Филантий повечеряв, основательно готовились ко сну, только Анчикоуль еще долго не спал, одиноко сидел он у костра и заунывно-тягучим голосом пел таежную песню на родном языке, о том, что произошло в этот довольно не легкий, минувший день с ним и его спутниками:

Эдын эдыллэн, ирэктэл ирэллэ. (Ветер заветрил),
херкин херкилан (деревья зашевелились, зашумели),
туксул няңнява даста (тучи небо плотно закрыли),
бираду угэл угэдерэ (на реке волны заволнились),
хэгды тыгдэ тыгдэллэн (гром в горах загремел),
агды урэлду агдыдяран (молния засверкала),
тадук тыгдэ этэврэн (большой дождь пошел, задождился),
бу дюр дяр верстэлвкэ нэнэчэвун (мы проехали двадцать верст),
бу сомат дэrrэ-в гунивкэ (надо сказать, мы очень устали),
туксулду чутума няңня ичэвуллэн (потом дождь закончился),
дылача ичэвуллэн, чипичал чулдулрэ (сквозь тучи голубое небо
завиднелось, солнце показалось, птички зачирикали, запели.
бу агиду молачавун (мы в лесу дров нарубили), тогово илачавун,
тадук чайва умчавун (развели огонь, потом чай попили),
очавун анңэ дэрумкивкэ (сделали ночлег и надо отдыхать)

Глава 4

С восходом солнца таежный лес, после двух недельных проливных дождей, заметно посвежевший, словно заново зазеленел. Преображаясь, час от часу он наполнился все более нарастающим гомоном птичьего разноголосья. В лесной ветвистой зелени запели с переливами, а то и просто засвистали, защебетали весело на разный лад мелкие птицы. словно сопровождая путников, безмолжно стрекотали, перелетая с деревьев на деревья сороки, а их неугомонно таратористый стрекот перебивал дробно-методичный перестук лесного труженика дятла. И где-то далеко, далеко от этих мест, дикий голубь, выводил сдавлено и приглушенно, как шаман, отлажено и ритмично бивший в бубен, а Осип, вспомнив незатейливо-простецкую местного деревенского люда забаву-имитацию, улыбочиво доносившимся звукам, едва слышно вторил в такт:

– Сухинский поп, в реке утоп, сухинский поп, в реке утоп.

Анчикоуль, как и полагалось проводнику, по-прежнему ехал впереди, все тем же гуськом друг за другом движущейся вплотную троицы конных путников. Но теперь он вел их не охотничьей тропой, а в целик, по девственно не тронутой еще хозяйственной деятельностью человеческой тайге. И если прошлым днем всадники, периодически петляя и выравнивая направление, неуклонно продвигались на северо-восток, то еще с его вечера, круто изменив маршрут в четверть круга, все дальше и дальше удалялись от центральной пади Сухинской строго в полуденную сторону. Вначале они старательно держались, как можно ближе к реке Уенгра, без каких либо особо сложных препятствий, передвигаясь по смешанным её редколесьям, и проводник, вынуд топор, периодически стесывал кору на деревьях, оставляя небольшие «залыски» обозначающие путь возвращения домой.

С речного побережья, равнинно-устланного в этих местах каменистой дрсвой и крупным песчаником, изредка тяжело и шумно взлетая отрывались от земли глухари, собиравшие там, мелкие камушки. Перед идущими размеренным шагом лошадьми, озорно посвистывая, перебежали полосатые бурундуки. Не редко всадникам доставляло удовольствие наблюдать, и как по оголенным и шероховатым стволам сосны или кедра проворно скользила, почерневшая, после весенней линьки белка. А в высоких бурно зеленеющих травах, под знойно палящим полуденным солнцепекком, в них повсюду в разноразной скрежещущее пронзительно стрекотали кузнечики. Легкие ветровые подвижки застоявшегося воздуха, стряхивали остатки дождевое небесных вод и с этого лопушистое рослого травостоя приречного и с листьев деревьев, кустарников, круг которых они произрастали.

Конная группа, огибая бесчисленно очередные; либо большие массивы труднопреодолимых чащоб, либо длинно затянувшиеся излучины реки, изменяла периодически направление маршрута, но уверенно перемещалась в основном редколесно произрастающим осинником в верховья пади, стараясь при этом не особо далеко отклоняться от ее русла. Ближе к полудню подуставшие Осип и Филантий, уже поистратили всякую деловитость и озабоченность, и все реже проявляли внимание, ко всему окружающему их природному великолепию. И только Анчикоуль все так же энергично и зорко кидал взгляды по сторонам, не лишаясь удовольствия наслаждаться прелестью здешнего, таежного природного благоухания. Временами, запрокинув голову, успевал он внимательно разглядывать крутые склоны, и гребни пади, по которой они передвигаются, и не только это.

На противоположном левом от них берегу реки Уенгра, не редко возвышаются небольшие голые скалы, покрытые лишь скудной прозеленью лишайников и отвесно свисающие над ее кипенно бурлящими водами. В просматриваемом насквозь редколесье этих косогоров, Анчикоулю от рождения охотнику-следопыту местами довольно отчетливо виделись мно-

гочисленные тропы травоядного зверя, которые, точно узкими ленточками, очевидно давно натоптанными им следами, то петляли, то ветвились среди редко произрастающих сосен. Принадлежали же они, безусловно, либо косякам, либо изюбрям, беспрепятственно и множественно плодившиеся, здесь в идеальных условиях никогда не пуганой природной первозданности.

Но вот благоприятные для передвижения путников приречные редколесья резко оборвались, и они въехали в труднопреодолимый даже для лошадей космато-травянистый кочкарник. Тучи комаров и разных иных мелких кровососов закишели над людьми, и они вынужденно принялись усердно отмахиваться от них ветками. Под конскими копытами звучно зачавкала топь все более углубляющейся заболоченности уенгринского правобережья, и проводник круто изменив маршрут, повел группу на юго-восток.

Речной шум Уенгри, начал постепенно слабеть, и конники въехали в высоко кустистую зелень густо-косматых сплетений ольховых чащоб, где в разноразной пискляво насвистывала еще только что пытающаяся встать на крыло рябчиковая молодежь. Петляя небольшими зигзагами, но, не изменяя направления, они старательно и подолгу объезжали эту густую непролазь, выбирая в ней любые наиболее удобные для проезда проплешины. Временами им удавалось пересекать даже более просветные чистины, а то и довольно обширные поляны, густо поросшие высоко-травянистой зеленью. В царившей глухоте, тех чащоб, казалось, умиротворенно покоилась чрезвычайно нежная и хрустально ранимая, взвесь никогда очевидно не тревоженная человеческим присутствием таежная тишина.

Солнце стремилось к зениту, и щедро разогреваемый его теплом таежный воздух мелко подрагивая заслоился белесо невесомыми паутинами обильных после ненастных испарений. Над застывшей тишиной тайги удушливым зноем завис изнуряющее жаркий для путников солнцепек. Час от часу он становился все нестерпимей и в ушах, разморенных духотой людей, застучало, подобие маленьких молоточков полная невозможность дальнейшего следования. К тому же всадники достигли устья распадка, к которому так стремился к этому времени прибыть их проводник и они остановились на отдых.

Место для привала, выбранное Анчикулем в прибрежном редколесье небольшого горного ручья, благодатно располагало и желанным затенением и умеренным солнцепеком. Отaborившись и вскипятив на малом костре чай, они, утоляя жажду неторопливо и с наслаждением попили его, и только потом, достав к «столу» сухари и вяленый омуль отобедали по полной потребности. Насытившись, путники расположились на отдых полукругом у догорававшего костра с наветренной его стороны, а над тайгой благоухал погожий, солнечный день и они, словно провалившись в снотворную благодать, набирались свежих сил к завершающему переходу к золотоносному манящему их Бираякану.

Проснулись таежники, когда затененность места их отдыха "откатилась" далековато в сторону и солнце, заметно склонившееся к западному горизонту, начало чувствительно прижигать. Травянистый ковер, сослуживший отдыхающим доброй постелью, оказался на солнцепеке, а там незамедлительно застрекотали кузнечики, неистово и надрывно загудел паут, виевато и скучено зароились разные мелкие лесные мухи. Разомлев от духоты и нетерпимого зноя, путники, оторвавшись от сна, взнуздали, оседлали лошадей и после короткого сбора, оставив место привала, левым косогором начали подниматься в не широкую горловину редкостно поросшего старолесьем горного распадка, в ложбине которого, где-то совсем невдалеке говорливо рокотал один из притоков Уенгри. Проехав какое-то время все еще тем же косогором, конники спустились в распадковую глубину и вскоре выехали на густо усеянный каменно глыбистым валуном берег притока Уенгри, оказавшегося небольшой, шумно-говорливой речушкой. Переправляясь вброд, Анчикуль, ткнув пальцем в ее водную кипень, произнес одним словом, подразумевая название и этой речки, и конечный пункт их следования:

– Бираякан. (Маленькая речка) – как нечто невероятно долгожданное и бесконечно обнадеживающее для его уже порядком измотано подуставших спутников.

– Биракан – повторил Осип и понял, близится завершение утомительного пути и уже каким-то отрешенным, отяжелевши усталым взглядом, обвел ближнюю округу, дополнив:

– Ну, слава богу..., кажись, добрались.

Филантий заслышав о близком достижении цели, заметно оживился и принялся с явным интересом рассматривать столь привлекательные для глаза эти горные места, окружавшие тесновато-близким полукругом их. Поднимающийся над распадом дым, не вызывал у него никаких сомнений, там горит костер, который разожгли люди, а значит эти люди его старатели. И он, потеплев взглядом, обернулся к эвенку и радостно спросил:

– Это и есть то ё место, куды мы эдак долго правимся?

– Э, эр Бираэкан (Да, это Бираякан) – Анчикоуль протянул руку вперед, показывая пальцем – Алтанма, силкивил! (Там, моют золото!)

– Вот разбери чо он опять горгочет? – Филантий обернулся к Осипу и, осерчавши, уперся в него взглядом. Осип же напротив, ошастливлено разулыбался, и с его лица слетела былая нахмуренность:

– Чо скосоурился..., не понял чо-ли..., он ить согласился с тобой, коли помянул алтаму.

– Согласился?!... – еще стопорнее впялился в Бабтина Филантий. А Осип, ухмыльнувшись, собрал кучно брови над вспухшими морщинами лба и радостно произнес:

– Аха..., этаким словом Тыгульча завсе золото на ихаем языке прозывает.

Солнце клонилось к закату. На голубых небесах, не единого облачка. Конные всадники, проехав еще с версту все тем же каменистым берегом Бираякана, повторно пересекли его вброд, за которым неожиданно резко, оборвался, длительно окружавший их как единой стеной, дремучий таежный лес. На открытом, далеко просматриваемом путниками пространстве простиралась большая каменистая россыпь, за которой, по обоим склонам пади широко раскинуто простиралась старая таежная гарь. Вероятно, лет тридцать тому назад большой огненный смерч покотился от вершин гольца, и в считанные дни и ночи все уничтожающим пламенем охватил и положил на землю всю без разбора растительность. Гольцовый стланик, толстый кедровый дубас, стройный, ветвистый его молодняк полегли, как скошенная трава, вершинами вниз по склонам, образуя там, груды опалено разбросанных нагромождений. И если тот давний пожар не превратил их сразу в золу и пепел, то они так и остались там истлевать до полнейшего разрушения. Испепеленная, почерневшая с тех пор земля надолго покрылась массово поваленными деревьями и обгоревшими их пнями. Даже лишайники и мхи и те не сразу проросли на ней. И лишь относительно не давно, средь одряхлевших куч горелого валежника, первыми за ними появились черничник, брусничник, а уж потом кое-где зазеленел кустарник, да робко занялась местами тонконогая поросль ольховника и начальных побегов осинника и березок.

Проехать прямо, по каменистой россыпи, по многочисленным крупно-сученным валунным гудам, не представлялось практически никакой возможным, как и по остаткам горелого леса в низовье распада. Осмотревшись, конники поднялись вверх по правому косоугу и сиверной стороной по самому краешку его гребня объехали и россыпь, и старую гарь. Здесь распад делился высоко-каменистым мысом горной стрелки на два ответвления. Круто возвышающийся над распадом, не подъемно обрывистый для всадников он не менее неодолимо смыкался с такой же валунной грядой встречно их продвижению, как и россыпь, которую они только что объехали. Поэтому Анчикоуль тот час правил лошадь в правый распад, не имеющий таких препятствий, чтобы проехав какое-то расстояние по нему, поднявшись в косоуг стрелки оказаться в левом ответвлении пади.

Оказавшись в пади, путники держались несколько удаленно от речного русла Бираякана, чтобы как можно реже обворачивать многочисленные его извороты. И все ж таки на одном из таких довольно протяженные и крутых изгибов, непредвиденно приблизившись к реке они

неожиданно наткнулись на людей. У речушки копошились трое бородатых, грязных и страшно оборванных мужиков. Не было сомнения, что это золотостаратели. В речном русле под водопадной ступенькой сооруженной ими запруды стояло грубо сколоченное, из колото-древесного дранья, примитивное устройство для промывки горных золотоносных пород. Двое бродяг в деревянных ведрах подносили горную породу из разработанного невдалеке ими шурфа и сваливали ее около этого устройства, а третий деревянной лопатой зачерпывая, периодически набрасывал мелкозернистую горную породу в дощатый лоток. Вода, скатываясь, увлекала промываемую породу по наклонному, выложенному грубым сукном дну лотка. Золотые песчинки задерживались на сукне, а более крупные деревянными пластинами, набитыми поверх сукна, с треть аршина друг от друга поперек лотка. Промытая водой пустая горная порода, скользила дальше по лотку и завершающее конечно смывалась в речку.

Подъезжая к золотомоям, всадники поздоровались. Старатели отставили свои занятия, и приблизившись к ним, остановились в некотором удалении поглядывая недобро хмуро и настороженно. Среди них особо выделялся одноглазый старик. Высокий ростом, косая сажень в плечах, он все еще без сомнения пребывал в отменной физической силе. Остальные двое хоть и на полголовы уступали ему в росте, были явно моложе возрастом, но так же отличались завидной крепостью здоровья.

Не сразу Бабтин разглядел в космато обросших лесных оборванцах поразительное сходство в обликах, а различив, терялся в догадках: «Уж, не отец ли с сыновьями?!».

– Кто таки..., по чо суды заявились? – спросил очень агрессивно настроенный старик.

– Видать по то же самое, по чо и вы – ответил ему улыбочиво доброжелательно Осип.

– Тавды, какого лешева стали?... Проваливай живеи отседа! – зло парировал старатель.

Осип криво усмехнулся и подбоченился руками:

– Ах ты старый варначина..., чо ж ты эдакой не ласковый-то?

– Я те баба чо-ли, ласкать тя-а?! – полыхнул из-под кустистых бровей и лохмато нависших над глазами косм давно не чесаных волос еще более тяжелым взглядом старик.

– Да и глядишься ты шипко гладко..., сам-то, поди, пуп не рвешь, всё других понукашь – поддержал старика один из его старательских компанейщиков.

Осип, услышав не лестное в свой адрес, хотел было обругать таежных бродяг, но при неумолимой озлобленности старика, осознавая никчемность обострения ситуации, как-то разом от того смутился и замолчал. Однако в разговор вступился Филантий:

– Но и чо, бывает што понукам..., а ты старый, стало быть, не понукашь кавды те нать?

Старик видимо, не ожидавший такого словесного оборота, погасил накал агрессии:

– Ладно сь, спрашайте чо на-а, да проваливайте куды едете.

– Может золотишко у вас есь..., так мы б его купили – повеселел Филантий.

– Х-м..., а чьи ж вы в таком разе..., откуда будете? – спросил второй из молодых старателей.

– Филантий Филонастий..., ты ж старый знаешь меня – ответил Филонов и указал рукой на спутника – а он сухинской Осип Бабтин..., не слыхивали? – и тут же любопытствующее справился – Сами-то случаем ли не китайца Ли Цызина работяги ноне?

Старик отрицательно покачал головой напыжившись:

– Не-а..., мы сами по себе – а чуть помолчав, зло, нахмуренно, дополнил – А про тя милоч доводилось мене не тока слышать..., мироед ты добрый, люди дамно такое бают.

Сказанное сконфузило Филантия, но он осилил неловкость и вымученно улыбнулся:

– Так..., ладно ребята..., золотишко-то продаете..., аль как? А то б мы его у вас купили.

– Нет, даже б оно и было, тебе вседню не продали – все так же зло и резко выдал старик.

– Но и черт с вами – сметая с лица остаток улыбочивости, зло огрызнулся Филантий.

– С нами бог, а черт хвостатый..., следы твои поганы заметат, поди – еще более ненавистно и зло произнес старик, воинственно оглядываясь на своих товарищей.

– Вы бы уж ехали отселя..., а? А то путаетесь тут под ногами..., мешаетесь – более миролюбиво дополнил один из его молодых партнеров.

Но Осип уже оправился от смущения:

– Ладно, мы сейчас уедем. Тока ета..., дозвольте спросить..., случаем не видали, дня три назад мужики тут нашенски должно быть проезжали, девять человек?

Старатели переглянулись

– Всяких здесь навалом шастает ..., мы за всеми нанялись доглядывать чо ли – все так же недобро, озлобленно окрысился старик.

– А можа ет те, которы выше нас отаборились – соображал вслух молодой его напарник.

– Аха точно, их как раз тама с десяток и будет – подтвердил догадку третий старатель.

– Пасиба (спасибо)! – поблагодарил Анчикоуль. Прощально помахав рукой со словами – Бакалдыдала (До свидания)! – он с откровенным смущением заметным дополнил, трогая коня с места – Простикал, би буруйичи бихим (Извините, пожалуйста).

Когда всадники скрылись из виду, старик старатель пронзительно свистнул, как соловей разбойник и звонко всколыхнул зыбкую тишину тайги:

– Эй, ватага..., а не послать ли вам во след гостинца?!

– Не шастайте боле коло нас, вдругорядь мирно баять не будем..., с ружья стрелим.

Золотостаратели в своих междоусобицах и разборках зачастую применяли оружие, о чем были немало слышаны Филонов с Бабтиным, и от раздавшегося злобного крика, Филантия обдало тряским ознобом, и он, чувствуя, как по спине покатился холодный пот, жалко скукожился, и плохо владея языком, выговорил не скрываясь перепугано:

– А ить..., ети бро-д-дяги... и взаправду мог-к-ли..., стре-е-ли-ить.

Осипа не меньше чем Филантия охватил испуг:

– Ужель..., ужо и, и взап-правду..., мог-г-ли?

Анчикоуль обернувшись к ним, засветился насмешливой улыбкой.

– Эчэ – и отрицательно помотал головой успокаивающее.

– Это пошто же? – недоверчиво переспросил Филонов, пересиливая паническое состояние. Помолчав, досадуя из-за малодушного проявления слабости, он озабоченно и завистливо дополнил – Да паря, кажись немало хто тут, золотишко наше наловчился хапать!

Глава 5

С северо-востока над бираяканской падью величественно возвышались каменисто обнаженные гольцы становых пиков Морского хребта. Вывершивая, падь ветвилась на распадки, глубиной заметно мельчавшие, гребни горных склонов двусторонне соприкасавшиеся с их тальвегами понижались высотно и превращались в плоскогорный мелкосопочник. В исторически далекие по геологическим понятиям времена произошли, вероятно, значительные земные подвижки, и горные породы, скатываясь с хребетных вершин становика, образовали его. Невысокие, густо растущие травы, зелено и сочно составляли однообразное, но красивое подножье многоликого разнообразия всего здешнего высокогорного растительного покрова, где зарослевые сгущения кустарника и такого же мелкорослого и коряво растущего березняка, забивали скученно, в основном мелкие впадины, овраги и логотины, по которым, многочисленными протоками извивался золотоносный Бираякан. Из множества ключей, ручейков, образуемых родниковым биением земли, собирал он здесь в единое русло весь дальнейший свой водоток.

Место для артельного лагеря старатели выбрали в саженях десяти от одного из родниковых ручьев Бираякана, в ложбинной лесной полянке. Привлекла она их тем, что была тенисто заслоняема от дневного солнцепека высоким пышно-кронистым окружением молодого березняка, с удобным, коротким и пологим спуском к воде и была покрыта точно добротной сотканной ковром, мелко поросшей, но густой лесной травкой, прозываемой простонародно щеткой. Выше в верстах трех от табора золотостарателей, все в том же мелкосопочном плоскогорье из много числя подземных источников зарождалась золотоносная речушка, сухинскими тунгусами, называемая Бираяканом, а немногим позднее русскими Лобановским ключом. Родниковая вода, изначально лишь едва приметно сочилась из земли, и протекая по гористым балкам и лощинам, набирала в них большую водную силу и все говорливее журча, многочисленными, малыми и большими ручьями скатывалась по распадкам в единую падь и в верстах пяти ниже табора золотодобытчиков сливались в одну небольшую речушку Бираякан. Но это в ведренную погоду, а после обильно прошедших дождей все эти вяло текущие ручьи, заметно прибавившиеся водным уровнем, наполнили прилегающую к ним местность настоящим речным гулом. Дно ложбины, выбранной золотостарателями для табора, видимо, еще сравнительно недавно геологически, являлось заболоченностью от когда-то залившейся ручейной старицы, где и образовалась лесистая полянка.

Из срубленных стволов березняка золотостаратели смастерили остов односкатного балагана и покрыли его толстым слоем все из тех же березовых ветвей, разного корья и трав. В балагане у входа сложили выючно седельную конскую справу, мешки с разной амуницией, съестные припасы, а поодаль таким же толстым травянистым слоем выложили постель для сна и отдыха. Невдалеке от балагана, поближе к спуску к ручью разложили кострище, и над теперь денно и ночью висели, почти не снимаясь, артельные котлы для варки пищи.

По недостигаемому черному небосводу ясно вывездившей ночи, рассыпалось бессчетное мерцание далеко далеких звездных собраний космического мироздания. Ярko полыхал костер табора, а его дым высоченным столбом поднимался к небу и где-то там, в уснувшей звездной тишине косо сваливался и рассеивался вниз по распадку. Потрескивая искристыми языками пламени, весело лепетал костер. Вокруг него тесно-дружным рядом сидели золотостаратели, и в неспешно-размеренные их разговоры, хорошо прослушиваемо вплеталось и конское фырканье, и хрупающее поедание ими свежее скошенной зелени травяной. Троица вновь прибывших, уже обменялась: радостью встречи, и новостными событиями, вершившимися где-то в отдалении от этих мест, и даже нетерпеливо порасспросить, как обосновались золотостаратели, и как продвигается их золотодобыча. Вечер слагался из приятного для собравшихся дружелю-

бия и сердечности. Таежный кровосос от вечерне-нахлынувшей прохлады незаметно исчез, и люди скинув накомарники, и побросав ветки, которыми отмахивались, пересели к столу. Благодушные плавилось в их осчастливленных лицах от томительно приближающегося ужинного расслабления, отчего глаза притягательно шурились на вместительно емкий штоф самогона, выставленный Осипом Бабтиным, по случаю благополучного прибытия к добытчикам золота.

Золотостарателей Филонова прибывших на Бираякан двумя неделями ранее насчитывалось шесть человек. За главного среди них выступал давний и многоопытный золотоискатель Герасим Буторин, по кличке Будары. В молодости он прошел не один каторжный рудник, где в совершенстве поднатерел в золотомойном промысле. Был он рослый, и могучий телосложением мужик, немногим старше лет пятидесяти. Обладавший завидной двужилостью в нелегких старательских делах, отличался Буторин еще и простецки не злобивым характером и обворожительно подкупающей прямолинейностью в общении с людьми. А помогал Буторину во всех делах не высокий ростом, но кряжистый Кузьма Петрович Одинцов, того же возраста что и Герасим, прозванный все теми же артельщиками между собой Кривым, потому как один глаз был у него полузакрит от полученного когда-то в драке увечья. Золотомой поговаривали, что был он из недоучившихся студентов «Горного» и когда-то работал на заводе под Петербургом, а потом долгое время отирался на Енисейских и Ленских приисках. Двое помощников названных золотостарателей были значительно моложе годами, но такие же, как Герасим рослые и отменного здоровья мужики. А именовались они от рождения: Ефим Новоселов, Иван Лоскутников. Так же как их артельный верховод Ефим и Иван давно занимались: то полулегальным, а то и совсем не разрешено хищническим промыслом золота и за уголовные преступления, еще не так давно отбывали наказания, а потому привычнее отзывались на клички соответственно, Драный и Шмыга. Организуя старательскую артель для поиска и добычи золота в Бираякане, всех их придирчиво долго подбирал и нашел по поручению Филонова в главном губернском городе Прибайкалья Максим Столбновский. И только Петруху Ермагова да Степку Чернеговского, Филантий в старательскую артель подобрал из местных жителей сам. Не мог же он, не продуманно доверчиво поручить золотоискательство пусть и хорошо знающему толк, но все же откровенно-уголовному, бродяжному люду. Поэтому он и привлек в артель золотомоев, тщательно проверенных не единожды своих людей. Степан Чернеговский, именуемый чаще деревенскими Глухарь, из-за слуховой тугоухости, был оймурским односельчанином Филонова, а конопатый лицом Ермагов, он же Рябой, из соседнего села Дубинино. Филантий знал, что эти двое, с иркутскими бродягами каких либо дел никогда ранее не имели, и надеялся, что при любом раскладе событий в Бираякане, они будут сообщать ему реальное положение дел в отсутствие его. Более того, для похода в тайгу подбирая для себя как бы «двойные глаза и уши», он привлек для этой цели людей совершенно разнохарактерных и по всякому пустяшному поводу вздорно не ладящих между собой. Прибыв же к золотодобытчикам, он, безотлагательно поговорив наедине с каждым, твердо убедился в верности своего выбора. Не отставал в том и Осип отправив к старателям соглядателями: Федьку Креста и Ваську Коршуна.

Еще с утра прошлого дня золотостаратели, выше по течению ручья в полуверсте от табора обнаружили небольшой водный перепад, и смастерив, установили там вашгерд бутару и даже попытались промыть золотоносную породу, несомую ручейной водой. Но первые пробные промывы наносно-донных отложений ручейника, обнадеживающих результатов не принесли, тем не менее, они решили продолжить золотодобывающую промывку такую, одновременно приступив к рытью шурфов по всему старому тальвегу распадка. Филантий, зная отменные кулинарные способности Осипа, как тот не отказывался, все-таки уговорил того по прибытию быть артельным кашеваром, а из-за увеличившегося людского числа, поручил проводнику Уванчану безотлагательно отправиться на охоту. Кузьма Кривой с прибытием на Бираякан для удобства общения окрестил Уванчана русским именем Иван, а Анчикуоля на великосветский манер нарек Анатолем.

Наутро, едва, едва лишь развиднелось и зарозовели гольцы становика на востоке, Осип Бабтин оторвался от постели первым, как и положено кашевару. Когда солнышко, озолотив первыми лучами каменистые кручи, засияло улыбочиво в небесной лазури, золотодобытчики уже степенно и деловито собравшиеся за общим столом, споро расправились с пшенной кашей, и пили чай, размачивая в нем ржаные сухари. Работа золотостарателей известно, нелегкая, и завтрак их был соответственно плотный. Основательно подкрепившись, артельщики неторопливо перекурили и разделились на две группы. Филантий присоединился к Герасиму, возглавившему пятерых помощников, и те отправились вверх по распадку, а Кузьма Одинцов и Анчикоуль продолжили промывку ручейника.

После ухода старателей с табора Уванчан, вынес из хозяйственно артельного балагана внушительных размеров заплечную холщовую суму, и вынул из нее большой охотничий лук, давно забытое охотничье снаряжение эвенков. Убедившись в боеспособности его и стрел, он бережно уложил все обратно в суму. Уванчан, как и большинство тунгусов сородичей, был среднего роста, не особо коренаст и широкоплеч. Вороненого цвета, жесткие и прямые волосы, туго сплетенные в две косы, круглое скуластое лицо, пухлые губы широковатого рта, тонкие, дугообразные брови над карими глазами, и это безошибочно определяло в нем типичного представителя тунгусского народа той поры. Однако чистое произношение слов на русском, выдавало и то, что он много лет общался с русскими где-то людьми. Видимо, по этой причине Номоткоуль и отправил его проводником старателей в тайгу. А может и потому что был он отменно коммуникабелен, раскосые его глаза, казалось, непрерывно излучали дружелюбно-обаятельное тепло к любому человеку.

– Иван – спросил подошедший к нему, несколько удивленный от увиденного Осип Бабтин – ужель ты и взаправду, с эдакой рухлядью старины дамней на охоту собрался?

– Это не рухлядь, а дедовский подарок и он, пожалуй, понадежнее будет моей кремневки.

– Но да..., ты охотник..., тебе лучшее об том знать – согласился Бабтин, но любопытно поглядывая, как таежник перекладывает еще какие-то охотничьи устройства в конских суммах, переспросил – А ето чо за диковинны штуковины, по чо оне те нужны.

– Звериные манки, когда гон у них наступает и самцы сходятся на борьбу за самку – Уванчан шире распахнув суму, вынул трубочку, смахивающую на музыкальную флейту – эта пикулька годится для охоты на козу – и он, отложив ее, достал, более длинную коническую трубу – а эта на изюбря, послушай, как она поет – прикоснувшись губами к муштуку, проводник, склонившись, с трубой направленной к себе под ноги, замедленно выпрямляясь телом, поднял рупор манка кверху, протяжно извлекая из него пронзительно скрипучий звук.

– Беда как схож он звуком, али со скрипом ржавого навеса – удивленно усмехнулся Бабтин.

– Но сейчас он нам не годится – Уванчан поместив в суму и этот манок, достал и приложился губами к муштуку охотничьего устройства с коротким и широким растробом и извлек из него бубнящее короткий голос, созвучный с глухим, коровьим мычанием.

Осипу никогда не приходилось бывать на охоте в тайге и ему нестерпимо захотелось испытать себя в этом деле. Вероятно, добродушно-притягательное отношение проводника к нему посодействовал тому, и Осип не замедлил обратиться к охотнику:

– Слушай Ваня..., а далеко ли ты собираешься..., и как надолго?

– Да вот! – проводник, подняв кверху руки, и озадаченно неопределенно развел их в разные стороны – Хотел в верховья Бираякана наведаться, да там ребятки наши уже успели нашуметь. Придется коня седлать, да вниз спустится, в Уенгринском калтусе согжой, поди, успел уже вволюшку нажироваться. Ему ведь сейчас самый раз на битвы сходить.

Продолжая собираться, он, вдруг резко обернувшись к Осипу, не без удивления спросил

– А ты..., по какой причинушке об этом справляешься?

– Х-хы! – кисло ухмыльнулся Осип – отродясь паря, на охоте я не бывал..., вот и хотелось бы припариться. Да ты, поди, надолго..., а мужикам обед..., ко времени нужон.

– Так если горишь желанием, можно и переиначить. Здесь недалече, внизу по распадку, есть боковое его ответвление – и Уванчан, повернувшись в ту сторону, махнул рукой

– Коза и изюбрь ночью случается там пасутся, дневные лежки их там же, а выше к гольцам и отстой есть. Поэтому калтус давай отставим, а возьмем собачку да туда сходим.

Пока Осип мыл посуду и прибирался на таборе, проводник, отцепив собаку с привязи, и полно-экипировано обрядился по-охотничьи. Бабтин тоже опоясался патронташем, накиннул на плечо ремень берданки и они тронулись в путь. По ходу движения поглядывая на возвышающийся в сотне шагов от них правый косогор, охотники вскоре заметили обрывистое его понижение и обогнув круто лобный мысок, свернули в устье бокового ответвления распадка, о котором Бабтину с полчаса назад говорил проводник. Слабо натопанная тропа резко оборвалась, и охотники пошли в целик, пробиваясь сквозь загущенную поросль молодого ольховника, где их обильно осыпала утренней росой буйная зелень его листвы. Вверху у каменистых круч отрогового гребня все еще клубились белесые обрывки ночной туманности, и видимо где-то совсем невдалеке от шагающих путников протекал ручей, откуда беспрерывно слышался его шумливый говорок. Вскоре охотники приблизились и пересекли его. За ручьем, чуть ли не прямо от воды пошли сплошные завалы старых буреломов, местами уже густо проросших кипенно взметнувшимся в небесную высь молодым леском. Преодолев его, они вновь подошли к ручейному бережку, сплошь усеянному мшисто-покрытыми камнями. Охотники остановились и не спеша напились чистейшей горной воды. Собака проводника все время бежавшая впереди, вернувшись, тоже припала к ручейному водотоку. Вдруг она прекратила лакать, повела носом, втягивая протяжно воздух, взъершено задрожала телом, вильнув хвостом, рыкнула, и еще больше напряглась. За ручейной россыпью камня дружной густотой хороводилась непроглядно-сгущенная зелень широко разлапистого ельника. Как будто что-то разглядев в нем, пес еще больше оживился, как вдруг пронзительно взвизгнув, молнией сорвался с места и в мгновение исчез из видимости таежных промысловиков.

– Это Иван каво он, а? – удивленно озадаченно спросил Осип, оборачиваясь к Уванчану.

– Зверя учуял – сбросив с плеча ружейный ремень, не меньше напряженно пребывавший, чем охотничья собака, ответил ему приглушенно Уванчан, как вдруг звучно вскрикнул

– За мной! – и резво перепрыгивая с валуна на валун, устремился к круто высившемуся перед ними склону косогора. Вскинув оружие наизготовку, не отставал и Осип, и вскоре вскарабкавшись на верх кручи, остановились. Учащенно, тяжело дыша, Бабтин спросил прерывисто-сбивчивым шепотом – Теперича то чо бум тут делать?

– Теперь будем слушать – ответил столь же запальчиво эвенк и указал вниз под косогор – там в низу, в распадке, все равно, что в домашнем подполье..., многого не услышишь.

– Иван, я все хочу спросить..., а где ж ты так складно наловчился баять по-русски?

– У родителя был русский друг, учитель приходской школы. Когда отец погиб на охоте, семья большая у нас была, часто голодали, он и упросил мою мать, отдать ему меня малого. Жила семья учителя в Баргузине, с ребятней его я учился там же, а когда подрос, вместе с ними трудился на приисках. После того как друг отца скончался, прииски я оставил, перебрался в Сосновку, а позднее по воле Номоткоуля оказался в Сухой.

Охотники чутко вслушивались в застоявшуюся тишину тайги, как через какое-то время из верховий распадка до них донесся отдаленный, слабо раздающийся собачий лай.

– Слышишь?! – обрадовано воскликнул Уванчан и, поднапрягшись слухом, продолжил – О! Это, кажется уже на отстое песик зверя держит! – и сорвался с места – За мной, не отставать! – обернувшись на ходу, отрывисто призывно скомандовал он Бабтину.

Они бежали, виевато петляя среди скалистых выступов, повсеместно торчащих из полуразвалившейся уже почти до песчаника, мелкозернистой дресвы, где вперемешку с колючим

кустарником изредка высился такой же низкорослый березняк. Приближаясь все ближе к тому месту, где раздавался собачий лай, охотники сбавили бег, а через какое-то время и совсем остановились. Уванчан тихо и прерывисто проговорил Осипу:

– Отдышись..., отсюда подходить будем, как можно бесшумнее, скрадом. Дай мне твою бердану..., отстой высокий, я из своей кремневки зверя на нем не достану.

– Ваня..., а может ты мене..., разрешишь пальнуть?

– А ты хоть когда-нибудь охотился, зверя стрелял?

– Не-а, в лесу не приходилось, а на уток, парнем случалось, бегал.

– Ну, если бегал, то давай пытай удачу, только прошу, не спеши, целься лучше.

И они полусогнуто крадучись от дерева к дереву кошачьей поступью на носках осторожно двинулись в сторону, откуда исходил собачий лай. Через минуту, другую подошли к круто высившемуся каменному выступу косогора, где им уже хорошо виделся с большими ветвистыми рогами изюбрь. Таежный рогаль, точно пританцовывая, грациозно подрагивая головой, устрашающее тряс ими и грозно топал длинными ногами на собаку.

– Посмотри, как упитан..., готов к бою красавец! – прошептал, не отрывая восхищенного взора от быка эвенк, и обернувшись к Бабтину, еще более горячо дополнил к сказанному – Недели через три, четыре гон изюбриный, вот он как следует и подготовился к соперничеству.

Осип, как в лихорадке сотрясаясь удивленный впервые в жизни увиденным, с любопытством разглядывал зверя. «Надо же как лихоманка колотит и сердце беда как готово выскочить» – подумал он, и крайне осторожно продолжил следовать за проводником. Если собачий лай прекращался охотники замирали, и не шелохнувшись стояли на месте. Как только пес поновой заливалась лаем, продолжали движение. Но вот стоящий за деревом Уванчан помаячил Бабтину и тот скрыто стоящий за каменной глыбой опустился на колени и, подвинувшись к ее обочине, затаив дыхание прицелился и нажал на спуск. Прогрохотал выстрел, рассеялся пороховой дым, и изюбрь исчез с отстоя. «Свалил, кажись», радостная мысль обожгла Бабтина, и он все еще трясущимися руками перезарядив ружье, услышал сокрушенный голос проводника:

– Эх..., как не подфартило..., бычок-то ускакал.

– Ужель промазал – упавшим голосом, тяжело выдавил из себя Бабтин.

– Промахнулся ты!.. – еще более удрученно подтвердил эвенк.

– Э-э-х..., горе я не охотник! – сконфуженный своей промашкой в стрельбе Осип, точно получивший удар по голове грузно опустился на лежащий возле него крупный камень.

– Зачем расстраиваться. Когда из моря сеть пустую, тянешь, ты, тоже переживаешь так? Не надо..., сегодня пусто, завтра будет густо. Пошли..., обед мужикам готовить надо – проговорил настойчиво, поднимая настроение, крайне расстроенному Бабтину Уванчан.

Глава 6

В тот же день, восходя к возвышающимся над распадом предгольцовым кручам, где оголено-скалистые склоны, местами отвесно соприкасающиеся с его ложбиной, вывершиваясь, образовывали небольшое, плоско-каменистое плато. Шагая скучено один за другим по распаду, вдоль извилисто петляющего донного тальвега, золотокопатели напролом пробились сквозь чащобную загущенность ивового ветлужника, и оказались в высоко-травянистой ложбине, давно заиленного и мелко-заболоченного, бывшего ручейного русла, где когда-то, в еще не столь далекие времена оно своим водотоком омывало монолитный высоко-обрывистый каменный выступ. Герасим подвел ведомую им группу золотостарателей к его скалистому подножью. Подошедши вплотную, он, внимательно всмотревшись в скальную структуру, словно озаренный чем-то от необыкновенно поразившего его от увиденным, произнес взхлеб от восторга указывая на нее пальцем:

– Видите, этот серый камень, его шероховатый гранит весь испещрен тонкими прожилками, так называемого учеными людьми кварца. А это как раз то, что нам требуется.

Чуть развернувшись, он выдернул из-за пояса небольшую, но увесистую землеройную кайлу-молот, размахнулся и силой ударил по гранитной стенке горного склона. Отбитый кусок породы, Герасим положил на расположенный рядом с ним камень и вновь нанес по нему удар. Подняв, он еще более пристально взгляделся в отколовшийся осколок.

– Так и есть кварц полупрозрачный пористый, наличествует множеством золота содержащих гнезд и прожилков – и с тем отбитым осколком минерала Буторин пошел к Бираяканскому ручью, говорливо шебаршащему где-то совсем рядом от кучно сбившихся возле скалы старателей. Смочив кварц в воде, он возвратился, показывая его им – с такими гранитами, как у этого обломка с желтоватыми прожилками и соседствует золото. Говорю это тем, кто не знает, при рытье шурфов, как завидите подобные камушки, или что-то подобное им, не медля, начинайте промывку вынутой вами породы.

Отшагав от скалы с десятков шагов к старому руслу, Буторин кинул взгляд вниз и вверх распада, и видимо, еще о чем-то раздумывая, тихо, как бы про себя произнес:

– Так... , длинна старицы здесь по прямой, верняком будет версты две – и, взглядевшись в травянистую кочковатость бывшего ручейного русла, он уверенно принял решение – пусть будет так, начин значитс будем делать, вот от этого места!

Встретившись глазами с золотомоем Шмыгой, он обласкал его теплым взглядом:

– Иван, ты знающий и фартовый мужик, тебе и начинать – и ткнул рукой себе под ноги – Тебе и бить первый тут шурф.

Золотостаратели одобрительно закивали головами. И вскоре в горно-таежном распаде Бираякан всю старательскую удаль закипела работа. На расстояние в сотню шагов друг от друга, они по заиленному, лесисто-поросшему руслу ручья, принялись одновременно отрывать шесть шурфов. Старатели копали завидно сноровисто, подчас с надрывным даже усердием, пот заливал глаза, а спины к полудню, они уже едва разгибали.

На следующее утро, еще затемно, когда Осип, поднявшись с постели, разжег таборный костер и собирался готовить артельный завтрак, Уванчан был готов уже повторно отправиться на охоту. Вчерашним днем он и словом не обмолвился старателям о причине неудачного промысла, и Осип Бабтин все еще тяжело переживая за допущенный промах, благодарно и сердечно пожелал ему промысловой удачи. Отвязав от привязи собаку, Уванчан оседлал коня, вскочил на него, понукнул, и той же минутой конноверхом скрылся из вида, точно в мгновение растворился в таежной зелени.

Рассвело. Конь его, глуховато позвякивая подковами, мерной поступью вышагивал по таежной тропе вниз по распадку, собака бежала впереди, сажень в десяти, пятнадцати. Стук копыт лошади периодически вспугивал каких-то мелких лесных зверюшек, а то и разных птиц, и они, то мелькали, перебегая тропу, то неожиданно взлетев, чуть ли прямо из-под конских ног. Такая лесная живность ничуть не отвлекала в этот ранний час собачьего внимания, как вдруг она, точно вкопано остановилась и, ошетилившись загривком, злобно и настороженно зарычала. Лошадь, дернув повод, тоже встала, бросив лиловый взгляд вперед по тропе, обеспокоенно всхрапнула и диковато заплесала под всадником. Собака сорвалась с места и в мгновение исчезла в таежной чащобе. Уванчан успокаивающее потрепал коня по шее, он как будто успокоился и повелительно понукаемый хозяином послушно пошагал вперед. Но вот конь снова резко приостановился, испуганно захрапел, заржал и не повинаясь хозяйской команде, злобно прижимая уши, дико затанцевал на тропе. В этот миг к нему, чуть ли не под самые копыта, со всей прыти влетел пес, возвратившийся назад. Уванчан, несколько оторопев, бросил настороженный взгляд вперед по тропе и неожиданно для себя разглядел большую рысь. Наткнувшись в погоне за собакой на лошадь, она очевидно тоже не ожидая, в каких-то всего лишь сажень двадцати, резко остановилась от лошади. Эта кошка, с вертикально торчащими кисточками на ушах, способна одолеть в схватке даже охотничью собаку лайку, сидела прямо перед конным всадником, обнажив клыкастые кипенно белые зубы, без боязни косо щурила дремучие глаза, и в злой своей улыбке, агрессивно глухо урчала. Уванчан взмахнул правой рукой и стегнув плетью коня, понудив его еще и громким вскриком:

– Чу!

Но перепуганная лошадь, суетно зачавтив ногами, нисколько не подалась вперед. Рысь, оставаясь на месте, еще более злобно осердила клыкастую пасть, обозлено урчала, и было видно, как у нее от возрастающей ярости ершится дыбом загривок и подрагивает мелко учащенно верхняя наморщенная губа. Охотник резким движением левой руки выхватил из-за спины большой, дедовских времен охотничий лук, а правой, из пристегнутого к седлу колчана стрелу и в следующий миг он уже прицельно натянул тетиву. Хищная кошка не выдержала длительно напряженного противостояния с человеком и несколькими пружинистыми скачками ретировалась в кусты. Уванчан облегченно вздохнул:

– Так-то, оно лучше будет..., кому сейчас нужна твоя линияя шубка.

И снова таежной тропой, набитой за много лет не одним охотником, дробно затоптали конские копыта, а Уванчан, чтобы лишний раз не тревожить соседствующих золотомоев, правил лошадь прямиком в крутой подъем правого косогора где, проехав некоторое расстояние по покрытому редким моложавым осинником верху, спустился в Бирайканский распадок, значительно ниже мыса стрелки. Прошло еще немного времени, и таежный промысловик оказался в побережной, мелко заболоченной низине реки Уенгра, где его лошадь звучно зашлепала по болотной жиже. Старый, в большинстве подгнивший и редко отстоящий друг от друга осинник, мелкорослый колючий кустарник и высокий калтусный травостой теперь повсеместно обступали его. Узкая тропа, преграждаемая, то валежником, то огромными, одетыми мхом валунами, часто терялась. В этом месте до напряженного слуха Уванчана донесся первый довольно отдаленный трубный рев сохача, через небольшой промежуток времени ему отозвался второй, более близкий к охотнику. И он, достав из конской вьючной сумы сохатинный манок, протрубил, выдавая себя за третьего, вызывающего их на бой. Но соперники, отзываясь на его периодически повторяющиеся воинственные крики, не спешили к нему. Судя по их трубному реву, более близко находящийся от конника бык медленно шел на сближение с дальним, несомненно, владеющим гаремом из нескольких самок. «Через некоторое время они прекратят откликаться, сойдясь на поединок. Теперь вся надежда оставалась на собаку» грустновато помыслил охотник. Но она давно вырвавшаяся вперед, пока не подавала о себе знать, и Уванчан не менее напряженно пытался уловить лающее ее присутствие. Продолжая трубить манком,

он правил коня в сторону дальнего откликающегося быка, как вдруг прямо под его копытами разглядел приглубо вдавленный в болотный мох, заметно раздвинутый вширь, копытный след и вздрогнул, заслышав долгожданный лай. Собака исходила залиvistым лаем где-то совсем близко справа от него. Всматриваясь наметанным глазом охотника, пожалуй, ничуть не хуже чем у той кошки, с которой не более как с час назад повстречался, Уванчан круто повернул коня и направил его в сторону, откуда слышался лай собаки. Скуластое лицо эвенка, с отвислыми на монгольский манер усами, в эти минуты, смахивало на некую-то не живо застывшую маску, в глубине сощуренных глаз которой полыхал азартно-искристый огонь бывшего промысловика. По прямой посадке на лошади, по тому, как кисть его левой руки твердо сжимала охотничий лук, виделось, насколько Уванчан необычайно умелый конский наездник и опытный таежный следопыт.

Неожиданно налетевший порыв ветра качнул изжелта кренистые вершины старого высокого осинника и оттуда в мшистую дрягву, заметно увядающую траву, и колючий кустарник заболоченности, полетела первая, уже опаленная легкими утрене августовскими похолоданиями листва. Порыв ветра шумно просквозил, и снова воцарилась благоухающее затишье. Всадник приближался все ближе к цели. И вот он видит, перед ним стоит, стройный, таежный великан, свирепо помахивающий крупными лопатообразными рогами, а охотничья лайка, неумоимо бегающая вокруг с азартным лаем атакует его. Охотник придержал коня за толстым стволом старой осины, и ему послышался сильный, глухой удар. Выглянув из-за укрытия, Уванчан увидел, зверь повалил с корнем моложавую осину и злобно свирепствуя, бодает ее. И тогда охотник, подняв заряженный лук, прицелился. Таежному великану стрела вонзилась глубоко под левую лопатку и он, вздрогнув, медленно повалился на бок. Левая нога сохатого еще какое-то время сотрясала воздух в холостую. Конник подъехал к пораженному зверю и, спешившись, вынул из седельной сумы кружку и небольшой жбанчик со спиртом. Обратившись к добрым духам земли и неба он молитвенно благодарствуя, побрызгал на все четыре стороны. Глотнув из жбана, Уванчан вынул из ножны нож, и полоснув им, наполнил кружку лосинной кровью, выпил. Присел, запалив трубку, перекурил. Передохнув, вспорол сохатому брюхо, удалил внутренности, вырезал грудину, избранно потроха и, сложив их в понягу, тем же путем, что и в ранний, утренний час возвратился к старателям.

Во второй половине дня Уванчан и Осип, вновь прибыв на место забоя зверя, освежали тушу сохатого и, уложили в конские седельные сумы. Эвенк не забыл забрать даже голову сохатого и копыта. Обогнув косогором валунно-каменистую россыпь, перед горной стрелкой разделяющей распадок Дёлокан на два рукава, Уванчан предложил Осипу заехать к золотодобытчикам, соседствующим поблизости:

- Это ишо по чо?

- Мирона Молчанова семейство, сухарями да водой, поди, впроголодь живет, перебивается, а сын его старший Владимир друг хороший мой. Мы с ним вместе на прииске в Баргузине работали, хоть он здесь в Бираякане и не присутствует, но поделиться с ними я просто обязан.

- Но ежели ты эдакой добрый, заезжай..., мне оно как будто не чему к имя наведываться - тяжело из-под нахмуренных бровей взглянув на эвенка, недовольно пробурчал Бабтин.

По прибытию на табор золотомоев Уванчан и Осип, часть лосинного мяса оставили на свеженину, чуть больше засоленное в бурдюках - кожаных мешках, герметично запакованные надежно придавили камнями в холодной воде ручья. Остальное порезали на тонкие длинные куски, подвесили на коптильные вешала, выполненные из гладко оструганных листовых шестов, горизонтально закрепленных на кольях, высотой в сажень, полторы. Под вешалами разложили небольшой дымный костер и принялись мясной продукт коптить. Тем же часом Уванчан взвалил на плечо ветвистую голову и копыта сохатого и, удаляясь от костра, мигнув глазам загадочно заговорчески, проговорил в полголоса:

- Пойду..., бога благодарить ..., а ты Осип посматривай..., за огнем и копчением.

Август катился к середине временного течения своего, короткое сибирское лето близилось к концу неумолимо. В окружающем золотодобытчиков высокогорье, на кустах и лиственных деревьях распадка обозначилась выразительно первая, заметно-блекнувшая листва. По утрам она все более уныло трепетала при любой воздушной подвижке, точно крылья птиц, вот, вот готовых улететь в теплые края. Старателям, занятым тяжелым физическим трудом, все контрастнее подчеркиваемо смотрелось, как на фоне неумолимо-желтеющего моря древесной листвы, с каждым днем все более оранжевое рдеют пышные гроздья рябины и кроваво краснеют плоды-ягоды боярки. Чистейшее прозрачный воздух горный, еще более изящно-выразительно "подчеркивал" вдохновенно-впечатляющую картину эту. И глухо бубнящий напев дикого голубя, как и устрашающее по ночам рыдание филина, дополняли ее такими чрезвычайно трепещущими звуками, волнующими не вольно каждого старателя. А время стремительно летело, не останавливаясь ничуть ни на минуту.

Спустя неделю напряженного труда золотодобытчиков, больше третьей части распадка по всей извилистой линии старого русла ручья, уже клочковато пятнилось квадратно вырытыми углублениями в земле, как и кучно-высокими грунтовыми нагромождениями извлеченными из них. Петруха Рябой и Степка Глухарь, казалось без усталости, валили невдалеке молодой осинник. Рубленый из него кругляк, устанавливался в шурфы и временной крепью подпирали вертикально-отвесные стенки их. Кузьма Кривой и Федька Крест, через день, бросившие безрезультатное мытье ручейника, занялись изготовлением и установкой выше по ручью еще двух золото моющих бутар. По достижению в шурфах золотосодержащих пород некогда бывшего русла ручья, золотомой приступали к их промывке. Замирало сердце у них, когда к концу промывочных работ на сукне вашгердов, возле поперечных дерево пластинок оставались самые тяжелые горные скопления. Но результат нелегкого недельного труда, так и не оправдывал их горячих надежд и ожиданий.

Ночная безлунная темень беззвучно охватила табор золотомоев, и над крошечной обволакивающей тайгу непроглядью заволакивающее тихо и впечатляющее, как это бывает в горах, заблестала выразительно самая яркая звездная высь небесная. Незаметно пролетела изнурительная неделя трудовая и наработавшиеся до полнейшего изнеможения за день старатели сидели угрюмо смиренным рядом за большим артельным столом. Кто-то все еще хлебал жирно-наваристый суп-шулюн, кто-то, уже покончил с ним и старательно обгладывал мясистую кость, а кто-то со звучным хрустом дробил, податливый зубам, сохатинный хрящ. В последние дни заметно помрачневший лицом, Филонов вдруг отрывисто резко откинувшись от стола, недовольно нахмурено взглянул на Буторина:

– Герасим..., можа довольно землицу-то здесь рыть! – и еще более обозлено продолжал – Ты ж знаток в эдаком деле, так ответь, где золото, которое мы тут целную неделю ищем?

Буторин сиротливо скукожившись, обиженно насупился и тихо, но внятно проговорил:

– Где-то здесь в долине..., да вот только почему-то не фартит нам пока его..., найти.

– А можа его тут и вовсе нет..., а!

– Все может быть..., однако здешние золотосодержащие породы твердят обратное.

– Ты мне ето съ..., зубы-то не заговаривай – зло вытаращился на него глазами Филонов.

– Я и не заговариваю..., мне не в чем перед тобой оправдываться – повысил голос и Буторин – а впрочем! – Герасим вскочил и обидчиво взволнованно зачастил – Если ты и далее намерен со мной..., в таком тоне говорить..., то я заберу своих мужиков и покину тебя..., но заруби себе на носу, ты сполна рассчитаешься, как изначально условились.

Придавлено-глухой, но недвусмысленно одобряющий ропот резкие слова Герасима в ту минуту послышался незамедлительно из уст всех присутствующих старателей. Даже всегда и во всем верны и преданные Филонову, Ермагов и Чернеговский, поникши съежились, и молчаливо, но согласно закивали головами. Но тут Бабтин возвысившись над сидящими, поднял руку и властно повелительно остановил шумно нарастающий гомон:

– Тихо мужики, утихомирьтесь..., так дело не пойдет. Нам не виноватиться промеж собой надобно, а крепко думать..., как половчее выходить из едакого трудного положения.

Буторин скривившись лицом, сел на место, мелко подрагивающими руками свернул сигарку, закурил и, обернувшись к Одинцову, заметно снижая голосовые нотки эмоциональности, проговорил:

– Кузьма, ты же геологию, что молчишь, подтверди или опровергни мною сказанное!

Кузьма, посерьезнев лицом, медленно поднялся с места:

– Геология мужики, однозначно утвердительно гласит о том, что всякое отклонение от предполагаемой закономерности залегания и сложения золотороссыпей, указывает на бесспорное для всех нас происхождение их от большого множества, пока еще до конца не понятых ученым мужам, сложнейших разрушительных сил природы, воздействовавших на них в глубоких недрах земли в разные геологические эпохи образования и развития прежде всего земной коры, или иначе поверхностного слоя нашей планеты.

Старатели, вновь вдруг шумно оживившись, гроыхнули смехом:

– Ха-ха-ха!

И развеселившись, дружно заголосили в голос каждый на свой лад:

– Но Кузьма ты и даешь, ха-ха-ха..., так сказанул, ха-ха-ха..., мы ж ничо не поняли.

– Ха-ха-ха! Тя про Фому просили, ха-ха-ха..., а ты про Ерему насочинял.

– Ха-ха-ха! Об лесе велели баять..., а ты ивон чо, ха-ха-ха..., кучу дров наворопятил.

– Ха-ха-ха! – смахнув выступившие от смеха слезы, присоединился к золотомоям и Осип

– Ты Кузьма..., ха-ха-ха..., и взаправду..., не можешь чо-ли хошь как-то проще сказать.

Кузьма, столь же громко насмеявшись, как и после его ответа старатели, заговорил:

– Проще говорите надо..., ну что ж придется. Золото вот в таких местах как наша долина всегда сосредотачивается только узенькой рассыпной полоской, причем не равномерно совсем, мало гнездясь в одном месте. Возможно, поэтому самое богато-крупное золото лежит не поверх таких гнездований, а в самой глубине формирования этих гнезд.

– Помалу говоришь..., а по чо ж тогда чуть ли не всю старицу сплошь исковыряли мы? Хошь убей, а в толк не возьму! – до крайности удивился Федька Крест.

– А вот почему! Ручей за многие, даже не столетия, а может быть гораздо больший отрезок времени, смывая эрозийно разлагающиеся горные породы в свое бывшее русло, и сосредоточил наиболее тяжелые компоненты крайне помалу в самых разных местах. Вот потому-то мы, изыскивая золото, копаем шурфы по всему тальвегу долины.

– Х-м..., по всему! А как же тогда нам его найти – смущенно озадачился Васька Коршун.

– Найдем..., но надо не забывать..., золото найти, исключительно счастливый случай!

– Ужель уж так и исключительнай! – воскликнул Осип, воззрившись вопросительно на Уванчана – А чо скажет нам Иван..., ты ж бают немало золотишка в Баргузине мывал?

– Было дело, но мы его там не искали, а добывали на приисках уже разведанное, причем не сколько рассыпное, а больше всего рудное.

– А в чем разница меж тем и другим?

– Рудное золото представляет собой мельчайшие частицы-вкрапления в горные сульфидные и кварцевые породы. Россыпное же, это разных величин скопления обломков горных пород или минералов, которые образовались вследствие естественного эрозийно-водного их разрушения в горных балках и ложбинках, как эта. Золота на земле чрезвычайно мало, зато оно есть всюду в горных золотоносных жилах, но так, как способно активно мигрировать, например, с подземными водами, то и в золотоносном песке. Повторюсь, в зависимости от этого его и различают на рудное и россыпное - ответил несколько задумчиво Буторин.

– Мужики! Все людишки на земле прямо-таки без ума из-за етога золота, потому как хорошо знают, шипка уж оно завсе в цене дороженное, а вот откуда оно взялося, каво не спрашивал, ниhto ответу мене не дал – сказал Васька Коршун.

Но и нашел же об чем толковать совсем не месту – ответил ворчливо Осип Бабтин.

– Почему же, очень даже к месту сказал – возразил ему Кузьма Одинцов – Золото, по мнению многих ученых людей, появилось на Земле в процессе ее образования на этапе вулканической деятельности активной. При высокой температуре и давлении оно, как и другие тяжелые металлы, поднимаясь из глубины недр, приблизилось к поверхности земной.

– Тар улэк..., эрут, нуҗан, нон гундерэн. (Это неправда..., не неправильно он говорит) – гневно сверкнул глазами Анчикоуль посмотрев с негодованием на Кузьму Одинцова.

Золотостаратели, как по команде обернулись отреагировав на возмущение эвенка.

– Билирги билир, ноноё нонон Дулин Дуннэҗит. Дулин Бугат ачин бичэ. Дулин Дуннэҗит-дэ бэе-дэ эвэнки нонон ачин бичэ. Угу Буга-нюн бичэ. Угу Буга эмҗэ, сома хэгды бичэ.... – широко размахивая и жестикулируя руками говорил он взалхлеб громко.

– Ты ето об чем баешь?! – взглянул на эвенка непонимающее удивленно Филантий Филонов.

Но Анчикоуль не обращая на него внимания, продолжал:

– Тар Угу Буга надан няҗнячи бичэ, мэн хэгды биракучи бичэ, хэгдындыл кадаричи, хэгдындел урэчи-кэт, тэнэчи-кэт бичэ. Тар Угу Буга син эткэпты мит Дулин Дэннэвэт урэчэ бивки бичэ. Эхилэ тар Угу Бугаду аи-бэел бидечэл-оскедечэл.

– Погоди Анчикоуль, остановись..., мы ж ничо не понимаю, чо ты бормочешь – оборвал неугомонного рассказчика Бабтин и обернулся к Уванчану – Ваня, ты хошь бы рассказал, чо ето он нам наворотил на вашенском языке, эдак беда как распалившись.

Тот улыбочиво скосился на сородича и заговорил в отличие от него степенно и уверенно:

– Отвергая сказанное Кузьмой, Анчикоуль решил донести до вас старинное эвенкийское сказание о возникновение золота, слышанное им от стариков. А начал он с того, что, нашей земли, или как говорят мои сородичи, среднего мира Дулин Буга первоначально не было. Был лишь верхний мир Угу Буга. Тот верхний мир Угу Буга был обширен, имел несколько небесных ярусов, свою тайгу-землю. В верхнем мире были свои реки, озера, моря океаны. Были свои птицы и звери, были так же и свои жители, небесные люди-аи.

Уванчан, поднялся, вышел из-за стола и продолжил говорить:

– Под верхним миром простиралось еще одно море-океан Лам Булдяр. А хозяином его был сын Неба, дух Сэвэки. С помощью небесных птиц гоголя и гагары он создал этот средний мир, или нашу землю Дулин Буга, первоначально всего-то крохотный островок. Прилегший отдохнуть после таких праведных трудов он едва разместился на нем всего лишь сам. У Сэвэки был брат, очень зловерднй Харги, обитающий в подземном, или нижнем миру. Во что бы то не стало, решив выкрасть землю у Сэвэки, он потянул ее из-под спящего. Однако похитить не смог, но вытянул ее до современных размеров, свершив в ней множество разрывов, ныне заполненных речной водой. Всемогущая небожительница Энекан Буга решила отблагодарить Сэвэки за доброе дело. Вращая солнце вокруг Земли, она сплела из его лучей золотые нити и золотым дождем обрушила их на народившуюся землю. Капли того дождя, мы и находим копая ее, а еще чаще, гораздо больше скопившегося золота в речной воде.

Герасим Буторин внимательно выслушавший Уванчана, усмехнулся:

– Х-м! В молодости моей со мной на каторге добывал золото один финский швед, так тот, разглядывая добытый золотник, бывало, говаривал, золотые залежи – мол, это слезы великолепия богини любви некой Фрейи, тосковавшей когда-то в уединение по любимому.

– А я в студенчестве слышал, куда более забавную байку, дошедшую до нас якобы из глубочайшей древности – заговорил следом за Буториным не мене улыбочиво Одинцов – как-то, греческий царь Мидас спас от гибели соратника бога Диониса. Тот в благодарность предложил Мидасу «золотой дар», после чего царь к чему не прикасался, все обращалось в золото, в том числе еда, и питье. Мидас понял, может умереть с голода, взмолился перед Дионисом, избавить

его от такого дара, тот повелел царю искупаться в источнике реки Пактол. После этого, в каком бы реке он не искупался, она становилась золотоносной.

Наступила несколько гнетущая пауза молчания. Старатели потупились, как бы пытаясь отстраниться от необходимости принятия решения дальнейшего их действия, Посуровев лицами, старательно они не смотрели друг на друга. Нарушил затишье Филонов:

– Понятное дело, сказки все это, выдумки людски..., толку-то от них – и точно волк-вожак стаи ему подопечной, злобно, хмуро и стыло обвел всех присутствующих напряженно-тяжелым взглядом – чо молчим, как в рот набрали..., сказками сыт не будешь..., предлагайте чо делать далее бум.

– Ты не прав Филантий – чуть дрогнувшим голосом возразил ему Уванчан – послушать сказку, совсем не вредно, особенно в том положение, в каком мы сегодня пребываем. Несколько помолчав, эвенк уже более спокойно и уверенно продолжал – Ты разумеется прав, сказкой сыт не будешь, но это народная мудрость, и познаваемая в такую минуту, смягчая напряжение, поможет она нам принять наиболее верное решение.

– Какое..., поскорее сворачиваться..., да валить лихоматом домой?! – съязвил Филонов.

– Но почему же домой..., Герасим и Кузьма, не случайно сказали, золото найти, редкостно счастливый случай. Значит надо упорствовать..., продолжать поиск.

– Х-м..., поиск! А ежели этага золота все ж здесь нет..., ты ж видел сколь тут давнишних нарыто шурфов. Видно хто-то ж его здесь искал, да не нашел. Так может не там все же мы ищем?

– Все может быть, но почему же мужики прибайкальские, соседи наши не уходят, ищут. И почему бы нам его в Дёлокане не поискать?... Номоткоуль же вам предлагал.

– В Дёлокане говоришь..., а далеко он отсюда? – подхватил заинтересованно Бабтин.

– Полдня конского пути..., никак не больше.

– А и вправду, чо бы нам туды не наведаться..., Филантий..., ты-то чо на это скажешь?

– И каким же фертом сподобимся..., значит тут все бросим и туды попремся. Так чо ли?

– Зачем же эдак..., делимся на две группы и ищем золотишко разом в двух местах.

Все еще обиженно, точно где-то в стороне одиноко уединенный от всех, но вслушивающийся заинтересованно в словесный перебор сидевших за столом золотостарателей, Герасим Буторин, тряхнул головой, и как бы отрешаясь от тяжело довлеющих мыслей завел звучно льющим голосом низким песню о горемычно-суровой судьбе беглого каторжанина:

– По диким степям Забайкалья,

где золото моют в горах,

бродяга судьбу проклиная,

тащился с сумой на плечах

Удивительно для всех золотомоев высоким, красивым, чистым тенором Петр Ермагов подхватил непривычно басовитым голосом для них всех в разговорах повседневных:

– Бродяга судьбу проклиная,

тащился с сумой на плечах

Буторин широко раскрывая рот, голосистое звучно продолжал баритоном:

– Бежал из тюрьмы темной ночью,

в тюрьме он за правду страдал.

идти дальше нет уже мочи.

И все сидевших за столом двенадцать мужских голосов сотрясли певуче чисто и громко застоявшуюся прохладу вечернего высокогорья воздушную:

– пред ним расстился Байкал.

И тем же мощным, точно хоровым многоголосьем повторили:

– идти дальше нет уже мочи

пред ним расстился Байкал.

О нелегкой судьбе бродяги каторжника в тот вечер еще долго и певуче голосили дружно те, кто попытал свое счастье в тот год золотое отыскать в горах срединного Прибайкалья.

Глава 7

Как только засияли над горами лучи утреннее восходящего солнца, старатели возглавляемые Осипом Бабтиным покинули бираяканский табор. Волей случая, как и неделю, назад, проводником его группы вновь определился Анчигоуль. Чтобы увереннее попасть в золотоносный распадок Дёлокан, куда на вечернем совете золотостарателям предложил идти Уванчан, конной группе вернее бы надлежало сначала спуститься в Уеэнгри, где ее побережьем достигнув Ичигикты притока этой реки, а откуда снова подняться в верховья все того же горного становика. Но, избегая кружного пути и сложного передвижения по пересеченной местности, проводник повел всадников напрямик, обходя стороной лишь гольцовые пики. Версты через три, оставив позади, все еще по-летнему утопающую в зелени лесистую загущенность Бираякана, они не заметили, как та стала переходить в редень и лишь где-то еще, иссушено-белесыми мхами, точно сединой густо обросшие, одиночно стоящие старые деревья, цеплялись за габаритно-пухлые выюки заводных лошадей.

Но вот конники, приблизились, едва ли не впритык к грандиозно возвышающимся над ними нагромождениям из булыжно-серых глыб гольца Большой. Стараясь не въезжать в низкорослый, кучно стелющийся кедровый стланик, кое-где вплотную подступающий к гольцовому пику, Анчигоуль подолгу вел всадников, казалось, бесконечными, худосочно травянистыми, заболочено-замшелыми низинами, лишь местами утыканными не высоким кустарником, да коряво-искривленными полуметровой высоты деревьями. Преодолев такие лощины, конники время от времени пересекали и совсем пустынно-оголенные россыпи валунного камня, где вероятно непрерывно дуют никогда не стихающие ветра. Лошади, беспрестанно обходя, то внушительных размеров в лишайниковой прозелени валуны, то и огромно-высокие груды из таких же каменно-валунных пород, где скрежетно лязгая подковами по мелкой, каменистой сыпи, ввозили они конников в новые предгольцовые лощины, мало чем отличающиеся от оставшихся позади. И все же в одном месте всадникам пришлось длительно пробиваться сквозь завалы, старого, уже полу истлевшего ветровала. Держа направление на восток, путники, тем не менее, неуклонно смещались от верховий становика к югу. Вынужденно огибая гонец довольно протяженной дугой, они неожиданно въехали в мало просветную темень еловых и пихтовых чащоб. Безмолвие царило здесь всепоглощающее. Лишь откуда-то сверху в эти космато-кронистые загущения древесные из безупречно сияющей голубизны небес пробивались ослаблено солнечные лучи. Словно в густой задымленности, лились они, струились тонко в синевато-мглистых испарениях над горбатившимися, то тут, то там темными колодами павшей уже очевидно давно древесины и сиротливо рогатившихся возле нее одиноко пней, пухло охваченных седоватой мшистостью, точно кем-то густо осыпанных серой пепловой давностью.

Через какое-то время до всадников, начал доноситься, вначале чуть слышимый, но затем все более нарастающий, монотонный клочок ручейного разговора и они пологим косогором спустились к истоку реки Большая, берущей начало в этих подножьях одноименного с ней гольца. Осип, поравнявшись с проводником, недоуменно оглянувшись по сторонам, любопытствовал:

– И по чо же ето ты тут остановился..., а?

– Хемурихи муге умдави зетчэм. (Хочу напиться студёной воды) – ответил тот, спешился и опустившись на колени, припал к чистейше горной родниковой воде.

– Х-м! – просияв лицом, Осип круто обернулся и скомандовал – все мужики приехали, слазим..., передохнем..., водицы ключевой кто испейте хошь захлеб досытишка.

Конники спешили. Кто-то, удерживая за повод лошадь, с передыхом продолжал наслаждаться безупречной благодатью родниковой воды, а кто-то уже насытившись, разминался, здесь же рядом вышагивая взад, вперед. Скупые на эмоционально-выразительное проявление чувств в обыденной житейской ситуации, они с малолетства, постигавшие только сполна тяжкий физический труд, несколько растерянно, с откровенным смешением удивленности и восхищения, всматривались в этот потрясающий, все еще девственно не тронутый людьми таежный уголок природы, так восхитительно окружающий со всех сторон. Живописнейшая панорама этого пригорьцового подножья, в столь выразительно роскошно расписанном начале пади Большая, где находились конники, как и невысоко-гористое ее окружение, повсеместно обьятое космато-возвышающейся хвойной зеленью, впечатляющее смахивало на некое плоскодонье, сказочно-неописуемой старинной лады бортами из красивого горного окружения. Видимо, поэтому все здесь в час такой виделось им совершенно недвижимо, словно навеки погруженное в хвойно-беспрояздную ее затененность. И дремучий таежный лес, со всех сторон вплотную обступавший путников, и даже чистейший воздух высокогорья, запредельно налитанный смолянисто-терпким настоем хвойной горечи, все здесь без исключения, казалось, навсегда безмолвно застывшее.

Вывершив пологим подъемом сиверной стороны косогора, конники достигли его гребня редко лесисто покрытого высоким тонкоствольным сосняком. Отсюда их глазам еще в более эффектном колорите представилась, темноватая засиненность дальних гор, и обрывки клубящихся кипенно-белых облачков, медлительно проплывающих в голубой небесной выси, и хорошо обозримая как на ладони, все ближняя темно зеленеющая хвойной растительностью глубь широко-плоской пади Большая, которую они только что покинули. Засмотревшись изумительным великолепием и этого еще одного живописного уголка природы, всадники невольно приостановили своих лошадей. Восхитительно грациозная красота царственного величия Сибирской тайги, вряд ли кого оставляет равнодушным.

– Красотища-то паря... , никак не хуже, чем там... , в пади! – умиленно выговорил Бабтин.

– Э, гудайке! (Да, очень красиво!) Эринниду-кэт эюмкун. (Здесь и дышать легко.) – с живостью откликнулся проводник, пребывавший в том же приподнятом настроении и широко улыбаясь, взглянул на сидевшего с ним в ряд на коне Фимку Драного. С раннего детства он воспринимал красоту природы всей своей открытой душой, ощущая неразрывную с ней связь, как малолетнее дитя с матерью, причем наверно, где-то совсем на не подсознательно-интуитивном уровне, чем вполне осознанно.

Но неизменно хмурый и всегда чем-то недовольный Фимка Новоселов был полной ему противоположностью. Он постигал жизнь отнюдь не в тесном контакте с природой, а всего лишь добытчик сиюминутных выгод, для удовлетворения здесь и сейчас текущих его потребностей. А какие-то там сентиментальные восторги на счет таежной красоты, так это по его представлениям, всего-то мимолетный порыв «телячьего» восторга, который невероятно хитрый делец Бабтин выплеснул, не более чем, как мутное словоблудие. В раскосой же улыбке проводника, Фимка заподозрил еще более ехидную насмешку, как над ним, так и над лицемерным Осипом, человеком двуличным, скрытым и жестким прагматиком:

– Это еще, про какую такую благодать, ты тут удумал лыбиться дьявол не русский – недовольно скосоурился, и гнусаво подозрительно бросил он Анчикуолу.

Проводник, вероятно, не расслышавший его, повторился столь же благодушно:

– Со ая, би гундем. (Я говорю, очень хорошо).

Осип же, уловив откровенное недружелюбие в словах Фимки, поспешил свести не хорошо сказанное им не более чем в шутливую плоскость:

– Ефимий, ты адали начал понимать по-тунгусски... , али как? – и с ехидцей рассмеялся.

– Каво начал..., не видишь чо ли, как он лыбится, горгочет, кажется как будто собака лает – продолжал худословить недовольно Ефим Дранный

Анчикоуль, в этот раз с вниманием вслушался в словесную злобность говора Фимки и не мене зло, гневливо глянул ему прямо в лицо осуждающее:

– Нина..., аҗе таҗичадя-м синэ (Собака..., а тебя принимать за кого)? Аҗе экун си..., җинакинҗи улгучэм этчэри (А ты кто..., собачий собеседник)?

– Ишь ты, как скосоротился идолище ороchonский..., ха-ха-ха! – едко расхохотался Фимка – Ты ето..., не надо, эдак горготать по-своему..., а сказывай нам все по-русски.

– Тбоя, чипка худа челобека..., оннако собсем моҗнон (дурак).

– Но-но ты..., рожа не мытая..., ишо поговори у меня..., поговори!..

– Си эрупчук экун илэ (Ты очень плохой человек) – продолжал недовольствоваться эвенк.

– Э-э! Ребяты хорош..., не хватат ишо тока разодраться вам..., покипятились и будет! – прикрикнул Осип гневливо на своих спутников.

– Аят (Хорошо), элэкин, элекин (будет, хватит)... – согласился Анчикоуль.

Проехав версты две редколесным верхом пригольцового становика все того же горного хребта, путники по пологому скату ксогора спустились в верховья пади, соседствующей с Большой, но устремляющей свой водно-речной поток в противоположную от нее северную сторону. Вся ущелеобразная ширь глубинная ее, как и двустороннее примыкающие к ней горно-боковые склоны, с многочислием высоко-отвесных каменно-скалистых выступов цикуров отстоев, повсеместно утопали в темновато буйствующей зелени моложавого, но уже имевшего ореховую шишку кедрача. Божий свет погожего ясного дня, как и в верховьях соседней пади, тот час же разительно потускнел, как только старатели оказались под его высокими ветвисто-хвойными кронами. Разлаписто-широкий лист бадана, а где и многолетние седовато убеленные мхи повсюду выразительно эффектно устилали все глинисто-песчаное подошвенное основание этой высокогорной древесной растительности. И только изредка, казалось совсем не к месту, из них выпирали горбатые, такие же обросшее замшелостью выступы огромных каменных быков, а то и кучно большие нагромождения более мелких валунов и скальных обломков. В пути следования всадников, слева от них, по-прежнему, казалось неотступно, маячил попутно склон хребетного отрога, с которого они спустились в падь. А справа, где-то совсем невдалеке, приглушенно рокотала горная, речная вода, скатывающаяся по довольно ровному русловому ее уклону, разве что местами преодолевающая небольшие каменистые перекааты. Вскоре всадники приблизились к реке вплотную, и под копытами лошадей скрипуче звучно захрустела мелкая каменистая дресва, и Анчикоуль, облюбовав одно приглядно возвышающееся место ее бережное, остановил подуставшую лошадь. Обернувшись к спутникам, он, широко улыбаясь, сказал:

– Дэрумкит-ми горо оча одяра-нун (Передохнуть давно пора нам).

– Не возьму в толк опеть об чем ты ето съ парень баешь? – уставился на него Осип непонимающее, а проводник смахнув с лица улыбку, дополнил вполне серьезно и озабоченно:

– Ипкэчин, ирив-ми..., чайва умдят (Предложение..., приготовить пищу..., чай попьем)

– А чай...! Чай попить..., ето паря ко времени, в самый раз ты предложил – и Бабтин, заметно повеселев, громко скомандовал – мужики..., слазим с коней..., передохнуть надо!

Пока кто-то собирал дрова, кто-то разводил костер, варили чай, другие, облазав близко стоящие кедры, набили под завязку и приторочили к седельным выюкам по мешку кедровых, ореховых шишек. Довольный происходящим Осип, приглашая к столу, подытожил:

– Ну, мужички, теперича будет нам, чем занять себя по вечерам..., орехи у костра щелкая – как вдруг, что-то неожиданно вспомнивший, он пристально взглянул на проводника – Анатоля! И пошто мы у тя все никак не спросим..., а как же ету падь вы прозываете?

– Эр иикэнҗэ Наптама гэрбин. По лучадыт, уж да чипка он ромна.

Пившие у костра чай, поняв сказанное, дружно закивали головами соглашаясь и шумно загалдели, запереглядывались между собой.

– Хм! – хмыкнул улыбочиво вместе со всеми, столь же согласно Кузьма Кривой – А ведь и, правда, мужики..., падь эта, в не в пример другим, довольно плоская и ровная.

– И главно орехом богата, теперича знать будем, куда на колот ходить можна будет по осени – выразил восклицаящее свое мнение и Осип Бабтин и взглянул вопросительно на Одицова – Кузьма, а чо это мы чёрте знамо куды-то премся..., можа золото здесь..., тоже водится?

– Нет, золото здесь вряд ли мы найдем.

– Жалко, беда как шипко жалко... – и Бабтин еще более пристально уставился на собеседника – Кузьма Петрович..., правда ли, што родом ты из богатеев, да ишо и из студентов?

– Богатем не был, но родители зажиточно жили. Дед крепостной был из-под города Тула, приписным к чугунно делательному заводу числился. За умение плавить металл, получил свободу. Но, а отец, тот уже мастеровым на литейном заводе под Петербургом, фосфоритную бронзу в Гатчине плавил. Вот за то мастерство, хозяин завода поступлению моему, и посодействовал в горный институт, после реального училища. Учился неплохо, но на четвертом году связался я не с теми и погнали меня оттуда. Домой возвращаться побоялся. И понесло меня по матушке России. Где я только не побывал. На Урале, Ленских и Енисейских приисках золотишко добывал, там и признакомился с Герасимом, да недолго старательствовали..., вовремя не подались бы оттуда, вряд ли одними кандалами каторжными отделались. Но, а ныне, сами в очи зрите..., с вами я здесь, по тайге шастаю.

Через час с небольшим, передохнувшие золотостаратели, набравшись свежих сил, продолжили путь. Проехав с версту в подъем правого косогора, они поднялись на гребень его. Преодолев еще три или четыре небольших безымянных распадка, на вершине очередного горного косогора путники остановились на привал. Отсюда им хорошо виднелось, как по глубине следующей пади извилисто стелется серебристо отблескивающая на солнце бурно кипящая на водоворотах не известная путникам кроме проводника горная речка. Руслом не широкая, сажений не более пять, семь, но водопотоком стремительная, водоворотное приглубая и порожистая, изобилующая множеством омутных ям, поэтому столь оглушающее шумная из всех какие путникам довелось преодолеть уже. Глядя на впечатляющую отличительность этой реки, Осип, догадливо осенившись тем, справился:

– Анчикоуль, так это и есь та речка, про которую ты нам на пути в Бираякан талдычил?

– Э, нуңан бира Ичигикта (Да, эта река Ичигикта) .

– Ичигикта..., а пошто прозывается Ичигикта? – не унимался Бабтин.

Эвенк приостановил лошадь, обернулся, и пытаясь что-то сказать по-русски, напряженно поморгал глазами, досадно махнул рукой и продолжил говорить на родном.

– Эр бираг кугунэде-ми бэркэ (Эта речка шумит очень) – усердно помогая себе жестами, и с большим затруднением преодолев языковой барьер, все же перешел на трудно произносимый им русский – моя гобори, чито бирая ет..., чипка мынога делай..., ш-ш-ш.

– А..., шумит! – озарившись догадкой, Осип, как и проводник, попридержал коня – паря его точно..., уж куды с добром она тут шумит..., водицей истоиво балует вволюшку!

Анчикоуль убедившись, что его правильно поняли, просияв лицом, итожил ответно:

– Аха, так, так..., тар дярин нуңан Ичигикта гэрбин (Поэтому она и называется Ичигикта) Но тут в их разговор бесцеремонно не прошено вмешался Ефим Дранный:

– Тоже мне шумит, балует..., сами толком не знаете, чо глупо баете – и недовольный как всегда всем хмуро и гнусаво дополнил – Ее бы по добру-то, Громотухой обзывать..., не шумит она, а грохочет бешено, пожалуй вернее будет..., вот и вся ее правильная описания.

Конечно, не предполагали золотомои Осипа Баботина, что речка, к которой привел их в тот день Анчикоуль, и которую он именовал на эвенкийском языке Ичигикта, вскоре русские охотники переименуют на свой лад и будут называть, не иначе как – Гремечанка.

Пересекая овражисто-изрытый склон косогора, конники спустились к левому, поросшему редким осинником побережью реки, густо устланную огромными каменными валунами,

Берега речки высокие, с каменисто-обрывистыми ярами. Все их подножье, вплоть до самого уреза воды сплошь покрытое тальниковыми, реже ольховыми зарослями, а гористая солнце печная сторона тех яров, круто возвышающаяся над ними, еще и большими кустисто разросшимися черемуховыми. Неумолчно стонущая, водная стихия реки, преодолевающая такие преграды, напоминала диковинно-сказочного зверя, отличающегося со всей очевидностью страшно свирепой необузданностью и неописуемо могучей силой. С гулко рокочущим шумом вскипая на мелких перекатах, или с грохотом спадая вниз на более крупных перепадах, стремительно неслась она здесь по ущелистое каменистому лабиринту своего речного русла. Среди порожисто-донных его нагромождений из больших каменных глыб, в изумрудно искристых на солнце водных вскипаниях и всплесках, то и дело причудливо сплетались и распадались зеленовато-голубые струистые образования этой могущественной природной стихии, неистово сотрясающей всю округу невообразимо чудовищным и все оглушающим ревом.

Для осуществления переправы проводник повел группу вверх по течению реки туда, где перед описанным выше порожисто каменистой, узко-ущелистой ложбиной водный поток ее, протекал более равнинным и широким плоскодоньем и образовывал там мелководье.

Но даже в таком месте, при более спокойном течение, эта своенравная горная река своими шальными быстро несущимися водами, легко вскруживала подводные и поверхностные водовороты одинаково угрожающее непредсказуемые для переправляющихся. Кони путников положим пуском спускавшиеся к реке инстинктивно почувствовали водоворотную ее силу, и опасливо косясь на воду лилово расширившимися глазами, запрядали ушами, забеспокоились. Тревога лошадей не замедлила передаться всадникам, но на последних подействовал проводник. Внушительно грозно взглянув на них он в мгновение соскользнул с седла, и зачистив мелкой поступью, проворно спустился к воде.

– Он в речку то зачем полез... – с недоумением покачал головой Кузьма Кривой.

– А черте его знат – еще более недоуменно глухо отозвался кто-то из всадников.

– Ты никак здесь будешь велеть чо-ли переправлять на другой-то берег? – забеспокоился и Осип, несколько оторопевши, наблюдая за действиями Анчикууля.

– Э, гунчандиңав. (Да, буду) – согласно кивнул головой эвенк.

– Однако паря многовато тут для переправы глуби-то будет... а, ить потопнем – еще более раздосадовано, произнес тихим, прерывисто упавшим голосом Бабтин.

– Эчэ – отрицательно покачал головой проводник и весело с ухмылкой взглянул на него

– Эңэни кэтэе ачин (Не очень много).

– Чо нет то..., не вишь чо-ли, кака водища там колобродит!.. Да и ширь не малая – ужаснувшись, визгливо произнес Осип и его поддержал нарастающий ор остальных золотомоев:

– Ширина сажений с десятков чудок более наберется, но коловерьть страсть кака страшенна!

– Аха! И вправду по чо мы туда полезем..., утопить чо ли хошь..., чертяка ты паршивый!

Звучали и куда более обидные словеса, как заглушил их единственно-прозвучавший здраво-осмысленный выкрик Васьки Коршуна:

– Не мужики, кажись не так шипко глубоко тута, коням по пузо нако будет..., перебредут.

– Э, тэдегдэ (Да, конечно) – согласился с ним Анчикууль, возвращаясь к коню – эду арбэкта, (здесь же в сухую пору мелководье) – он вскочил в седло и, тронул его с места.

Владея завидным мастерством верховой езды, проводник сноровисто и расторопно действуя, вселял в своего коня спокойствие, уверенно правя им в студени ужасающее бурно кипящего водного течения этой непредсказуемо-сварливой в дождливость горного реки:

– Моя знай..., эду аятку дагкит (Здесь самый хороший брод).

Лошадь под проводником была молодая, сильная, но, и она нелегко справилась с сильным речным потоком. Почти у самого бережного среза воды она, споткнувшись о каменный выступ

дна, закачалась, но устояла, и понукаемая беспрестанно в тот момент всадником, напряглась и вывезла его на противоположный берег.

Переправившихся через реку, всадников со всех сторон обступил высокорослый ивняк. Пробившись с трудом через его гущину напропалую, они выехали на не плохо натоптанную охотничью тропу приречного, смешанного редколесья. Слева, в его прогалины по их ходу хорошо проглядывалось темная, разлаписто-ветвистая зелень пихтаря, тянувшегося узкостесненной, высокой полосой по подножью каменисто-обрывистого косогора. Выше по всему склону, покрывая и гребень его, стройно топорщился в высь моложавый сосняк.

День выдался жаркий. Горечь витающей в воздухе пихтовой смолы и хвои мешалась с крепкой парной прелью подножного лесного гнилья. Лошади медленно шагали по тропе, утопая по брюхо в рослом разнотравье, густо возвышающемся по ее обочинам и, позванивая приглушенно удилами, порывисто тянулись, то к метелистым пучкам пырея, то к жухло деревенеющим уже плоским стеблям троелистки. Повсюду пересвистывались весело и напевно разные мелкие лесные птицы, а где-то совсем невдалеке говорливо звонко куковала кукушка. По стволу одиноко возвышавшегося у обочины тропы кедра юрко просквозила вверх черная после линьки белка. Присев на сук она, застывшая недвижимо, округлила бусинки глаз на устало вышагивающих лошадей и молчаливо правящих ими конников.

Но вот косогор, тянувшийся слева не более, как в сотнях двух сажен, круто пошел на снижение, в прогалы леса хорошо завиднелась неглубоко-ущелистая ложбина, а до слуха путников, стал, доноситься нарастающий речной водный шум. Всадники понуро сидели в седлах и полусонно клевали носами, и лишь проводник отличительно, бросив повод на луку седла, слегка покачивался седле в такт конскому шагу и улыбался погруженный в свои притягательно сокровенные мысли. Как вдруг из ветвисто-возвышающегося куста рябины шумно трепеща крыльями, взлетела рябчиковая молодь, заставившая конников встрепенуться и заметно оживиться. Редколесье резко оборвалось и где-то совсем неподалеку еще более говорливо звонко, чем нарастающий речной шум, забормотал ручей. Перед путниками, выезжающими на открытое место, сиротливо распахнулась бессчетная на их пути небольшая валунно-глыбистая россыпь, упиравшаяся в боковую крутизну скалисто серого утеса, нависавшего обрывисто и высотно над рекой, вплотную сближающейся в этом месте с ним. Это был мыс горного отрога разделяющего виднеющуюся слева от всадников ложину и соседствующий с ней распадок. Подобрав повод, Анчикоуль скользнул построжавшими глазами по скалисто-оголенному гребню утеса, синевато струящемуся мареву над ним и правил лошадь к ручью. Перемахнув вброд, и не задерживаясь возле него, конная группа устремила к ложине. Тропа пошла в крутой подъем. В полуверсте ложбина, усеянная множеством скалистых выступов по ее обеим обочинам, вывершивая, переходила в седловину, поперечно и довольно глубоко пересекавшую горный отрог. Молодой ельник и кедровник, очевидно, лишь в последние десятилетия заполонили всего лишь седловинную углубленность отрогового косогора, а верх и оба его склона вплоть до речного утеса оставались пустынно-усыпанные множеством каменных глыб и их скалистых обломков. Возможно, сам черт когда-то ходил по этой горе и густо разбрасывал огромные камни, затем прошел большой лесной пожар, а следовавшие позднее буреломы доламывали остатки некогда бурно царившей некогда здесь таежной растительности, приводя все в невообразимый хаос и опустошенность. Преодолев хвойную гущу седловины, всадники каменисто-оголенным склоном отрога спустились до редколесного сосняка, узкой полосой опоясывающего его по самой окраине, стыкующейся с распадковым плоскодоньем. Этой прираспадковой обочиной косогора, поросшего редко моложавой сосной, конники возвратились в падь и продолжили путь к намеченной цели.

Полого вывершив невысоко-гористым возвышением, густовато покрытым смешанным листвяком, всадники уже на спуске миновали не менее загущенный, высоко ветвистый черemuшник и выехали на довольно обширную таежную поляну. С ее окраины, они разглядели

отчетливо, что в месте впадения распадкового ручья в реку Ичигикта, на бережной окраине его устья, точно притаившись в разновысотных древесно-кустарниковых зарослях, стоит бревенчатое строение, довольно большое и добротное. Рядом с ним виднелась еще несколько каких-то более мелких построек, а чуть поодаль, на речном берегу, горел костер, дым которого и заприметили первоначально старатели. Возле костра, одиноко хлопотал человек. Лошади, прошагав с полсотни сажень тропой, затейливо петляющей в густо-спутанном чертополохе мелкого кустарника, ступили в рослый, уже желтеющий, кочковато-мочалистый травостой поляны, в котором, точно скрываясь от чуждого глаза, тянулась не широкая полоска уже раскинуто желтеющей картофельной ботвы, а подле нее густилась еще и высоко-стеблистая с золотисто-доспевающим колосом рожь.

Путники подъехали к обрывистому, речному яру, из-под которого доносился шумный рокот водный, как вдруг оттуда неожиданно, точно приведение, вынырнул, вероятно, тот самый человек, которого всадники приметили еще с окраины поляны. Устрашающим был, не столько внешний вид, босого и плохо одетого человека, жутко обросшего длиннющей бородой и лохматыми космами, очевидно, годами не стриженных и не расчесываемых на голове волос, а сколько ружье, которое он держал наизготовку, направив его ствол на них. Всадники оторопевши, натянули поводья и остановили лошадей.

– Он случаем не стрелит?! – округлился испуганно глазами Федька Крест.

– А кто его знат – столь же испуганно, подобрался скукоженно в седле всем телом и Осип.

– Эчэ – отрицательно покачал головой Анчикоуль и примиряющее, подняв вверх согнутые в локтях руки с раскрытыми ладонями, легонько понукнул коня ногами.

– Стоять! – раздался голос, диковато выглядевшего косматого таежника.

– Ая ахилтанат (Добрый вечер)! – тут же ответно раздался голос проводника.

Таинственный таежный незнакомец опустил ружье, как только Анчикоуль поравнявшись с ним, остановил коня, а до слуха всадников отчетливо и членораздельно донеслось слово лесного бродяги, ошеломляюще жутко напугавших их своим видом и поведением:

– Мэнду!

На глазах еще более удивленных конников Анчикоуль легко и не опасливо спрыгнул с коня и обнялся с незнакомцем, как с дружественным, или хорошо знакомым человеком. Затем они расступились, и оттуда вновь послышалась, не понятная для русских тунгусская речь проводника:

– Он бидерэс (Как поживаете)?

– Спаси Христос – ответил незнакомец на русском, а помолчав, продолжил по-тунгуски – Горово эхит арчалдыра. (Давно не виделись.)

– Геванҗадук. (Да, с прошлого года) – отвечал Анчикоуль.

– Экун улгур бихин (Что нового)? – любопытствовал по-тунгуски таежник.

– Экун-кат улгур ачин. (Ничего особенного) – все столь же спокойно, членораздельно и отчетливо, продолжал доноситься до всадников говор эвенка.

С возрастающим удивлением золотостаратели многозначительно заобменивались взглядами. Их поразило не столько непринужденная беседа Анчикоуля, чистокровного азиата с лесным бродягой европейского обличия на языке байкальских аборигенов, а сколько явно дружеская их встреча. Пообщавшись с лесным одичавшим выглядевшим человеком, Анчикоуль обернулся к спутникам, и коротким жестом руки попросил его ожидать, а сам, следуя за тем таежным жильцом, скрылся под прибрежным яром.

– А оне чо, дамно знакомы чо ли? – опасливо, настороженно тихо обронил Осип Бабтин.

– Все может быть – теряясь в тех же догадках, проговорил столь же тихо Кузьма Кривой и озадачено почесал себе затылок – а может быть это человек китайца Ли Цзинсуна..., а?

– Но Тыгульча баял, што Ли Цзинсун не здесь промышляет – выразил сомнение Бабтин

– Х-хы! – хмыкнул Федька Крест и едко ухмыльнувшись, сверкнул не добро глазами – но канешна..., скажет то те правду твой Тыгульча.

На том разговор и оборвался. Проворно вынырнув из-под яра, к всадникам спешил Анчи-коуль. Подойдя к лошади, он пружинисто легко вскочил в седло, и приглашающее махнув рукой, понужнул ее и, та, преодолев вброд ручейный приток Ичигикты, понесла его вверх пади. Поравнявшись лошадьями, Осип настороженно любопытствовал у проводника:

– Ты никак знаком с этим бродягой?

– Э – обмолвился эвенок и согласительно кивнул головой.

– Это чо..., человек Ли Цзинсуна? – не отступался Бабтин.

– Эчэ – так же однословно ответил Анчикоуль и отрицательно мотнул головой.

– А хто ж тогда он будет, коли ты эдак приятельски с ним баял?

– Дылив сот энудерэн минтыки (Он мне будет близким другом). Бэюктэдерй.

– Хто?

– Нуңан айэ-мй минэ бинй. (Он спас мне жизнь) – и проводник обернулся к Осипу – Охота, ет челобека тут жибёт. Лабренти она збать..., чипка моя ая гирки, верна друг по баша будит.

– А, охотник..., друг..., Лаврентий?!.. – воскликнул Осип и попридержал коня.

А подтянувшийся к нему Фимка Дранный, то ли сгорая от любопытства, то ли из-за плохо скрываемого недружелюбия к проводнику, нахмуренно недобро зыркнул из-подо лба:

– Но..., и чо теперича тунгусина те сбалаболил?

– Ето вовсе не Ли Цинсуна человек – несколько удрученно и растерянно произнес Осип.

Глава 8

Минут через двадцать перед путниками, слева по их ходу, как бы узко сдавленная двумя гористыми мысами распахнулась не широкая горловина еще одного распадка и конники круто свернув въехали в нее. Извершиваясь, глубина распадка мельчала, гребни боковых косого-ров, раздвигаясь в стороны, заметно снижались и она, разительно меняясь, превращалась в довольно широкую, плоскодонную котловину. По всему ее понизовью шел сплошной сосняк, но где-то через полуверсту он оборвался, сменившись открытой, равнинно-мелкой заболоченностью с редким и невысоким травостоем, повсеместно утыканным сплетено-спутанным приземистым кустарником. Отсюда верховье ручья смещалось влево, а версты через полторы тальвег распадка стенисто преграждала густая зелень высоко-ветвистых кустарников, за которыми в полную ширь котловины, протяженно до самого верха, простиралась серо-каменистая россыпь. И только значительно дальше ее, в северо-восточной стороне от конников, возвышался окутанный сизо-сиреневой марью одинокий голец. Он выглядел значительно выше всей горной гряды опоясывающей распадок, особо выделяясь над ней, тоскливо угрюмой чернотой, и тем, что имел куполообразную форму. Вероятно, из-за этого, русские сухинцы немногим позднее назовут его Каланчой.

- Как прозывается-то хошь ето место..., а? – глядя на него, спросил у проводника Осип.
- Дёлокан – устало отозвался Анчикуоль.
- Что он сказал..., как назвал эту местность? – переспросил у Бабтина Кузьма Одинцов.
- Долокан какой-то, у тунгусов же все каки-то диковинны прозванья – рассмеялся Осип.

Вечерело и золотостаратели отаборились, на мелко-травянистой полянке, окруженной небольшим молодым тонкоствольным леском. Рядом с табором весело и журчливо рокотал ручей. Особо не мудрствуя, они смастерили такой же односкатный балаган, как и на Бираякане. Стемнело и уставшие за день путники, поужинав, разместились на ночлег.

С восходом солнца золотомои уже находились в мелко-заболоченном тальвеге, где возможно еще несколько лет, или десятилетий назад протекал ручей. Но постепенно, его русло сместилось к левой окраине распадка, а старое заилилось, заболотилось. Тучи рыжих болотных комаров неугомонно вихрились над золотокопателями и нападали на них неистово, спасали лишь сетки накомарников, да беспрестанное обмахивание ветками. Извилисто петляющее передвижение людей по самой низине распадка, преграждал, то дряхло-истлевший валежник, то, мшисто обросшие и ползучее подернутые бурами с прозеленью лишайниками большущие камни, а то и, монолитно скальные выступы, торчащие, точно клыки каких-то невероятно огромных доисторических существ. Грани их, хорошо отшлифованные, как ветровым воздействием, так и заметно тронутые эрозийными разрушениями прошлых лет, и недавнего времени. Кузьма Кривой подвел старателей к одной из них:

– Прежде чем прийти сюда, я с Анатодем, еще вечером прошлого дня, объехал долину и в разных местах осмотрел скалистые образования ее склонов. Все они продукт древних тектонических разломов. Если сравнивать их структуру, то повсюду это один и тот же серый, крупнозернистый гранит с хорошо просматриваемыми в нем бесцветными прожилинами кварцевого минерала. Поэтому можно уверенно сказать, что это диоксид кремния. Являясь самым основным спутником золота, он может свидетельствовать о почти бесспорном наличии золотоносности этой местности. Так же, если внимательно присмотреться, такой минерал в некоторых местах имеет еще и синеватый оттенок, что может быть признаком наличия в нем сульфидов. А сульфиды, как утверждает горная инженерия, один из важнейших компонентов золото содержащих сульфидно-кварцевых руд.

- Но паря..., опять Емеля попер молоть про всю неделю – скосоротился Ефимка Драный.

– Ты чо не можешь сказать нам проще, есть тут золото, али его тута вовсе нетука? – присоединился упавшее разочарованно к сказанному Ефимкой Васька Коршун.

– Тихо вы полоротые..., он ить грамотнай, знат об чем бает – вспыхнул гневливо на недовольно проголосивших Осип Бабтин.

А Кузьма Одинцов невозмутимо продолжал:

– Вы сами видите, весь тальвег этой долины просто усеян обломками каменных глыб, того же происхождения скальных гранитов, причем с такими же кварцевыми прожилками.

– И чо ето означат? – лупнул глазами на Кузьму, ничего не понявший Федька Крест.

– А то, что перед нами хороший признак, указывающий на возможное наличие золота, и именно тут мы должны его искать – Кузьма отшагнул с десятков шагов от каменной глыбы – вот здесь, значит, и забьем первый шурф – и начальственно взглянул на Фимку Драного – тебе Ефимий, начин этого ответственного дела и поручаю.

– И впрямь лучшего места, не сыскать – закивал согласно головой тот, и подступившись, умело и сноровисто принялся за землеройную работу старателя.

– Мужики! – горласто заголосил обрадовано неожиданно для всех Федька Крест – гляньте..., вон и развалины старых шурфов – и он указал в сторону рукой, куда смотрел.

– Верно..., тут хто-то, хошь и не шипко даменько, а золотишко-то ужо рыл – согласился с Федькой Осип Бабтин и пошагал к рыто земляным провалам, своим видом напоминающим шурфы.

А Кузьма Кривой на правах старшего не отвлекаясь на то, продолжал распоряжаться:

– Так..., ты Федор, и ты Василий..., живо мастерите и устанавливайте на ручье будару.

Через полчаса в распадке Дёлокан уже полно кипела работа. Четверо золотостарателей копали шурфы, двое занимались изготовлением и установкой золотомоющего устройства. Все признаки названные Кузьмой Одинцовым, подтверждающие несомненность наличия в Дёлокане благородного металла подействовали на них окрыляющее, вызвав веселость и оживление. Не менее воодушевленный тем Осип успевал, кажется повсюду: и вовремя накормить всех и, подсуетившись, помочь в изготовлении и устройстве вашгердов на ручье, и даже мало отставал от тех, кто копал шурфы. К началу второго дня золотомоющая будара была в полной готовности к эксплуатации. К этому времени в трех первых шурфах старатели докопались до песчаника и более крупных горных фракций, без сомнений одного из древнейшего русла ручья. Кузьма Одинцов, Ефим Новоселов, и Анчикуоль набрав их в жестяные ведра, тот час же понесли к вашгерду. Но первые же промывки, как и все последующие, в этот день, так и не принесли ожидаемого результата. На сукне бутары после смыва пустых пород, оставалось чешуйчато образные, смахивающие на золото песчинки. Но это хоть не являлось золотом, не привнесло в тяжелый труд золотоискателей, какого любо уныния и разочарования, и они с нарастающим упорством готовы были продолжать поиск в Дёлокане. Однако работу пришлось приостановить, двое суток непрерывно шел, то проливной, то мелко морозящий дождь. Еще столько же времени старатели выжидали, пока обветрится, пообсохнет грунт тальвега. И как только над горными просторами хребта Морской, небеса начали освобождаться от тучной серости, старатели продолжили труд.

Ближе к обеду пятого дня пребывания в Дёлокане Васька Коршун выкопал уже более чем на половину глуби пятого по общему счету шурфа. Осип приготовил обед, и приблизившись к нему, заглянул в шурф:

– Ну-ка Василий Батькович, пока обедаешь, давай-ка вместо тебя я покопаю, как говорится спытаю..., насколь фартовый в эдаком деле я – и обворожительно широко разулыбался.

Землекопы, отставив землеройство, гуськом подались на табор. Оставшись один, Осип продолжал со сноровистым придыхом копать и выбрасывать донный грунт шурфа на поверхность. Вдруг что-то мелькнуло лучисто-притягательным блеском перед его взором. Он вздрогнул и успел лишь подумать, не померещилось ли ему это. С лихорадочно трясущимися руками

Осип опустился на дно шурфа, и порывшись под ногами ухватил вдавленный им же самим в землю отсвечивавший желтовато блеклым цветом самородок, на вскидку где-то под фунт весом. Точно ополоумевший от нечаянно охватившей его радости он чуть было не выскочил из шурфа. Но в то же мгновение, убедившись в отсутствие кого-либо из старателей, трясущимися, как в лихорадке руками, он спешно расстегнул ворот рубахи, расширил шнуровое устье заветного мешочка, и с невероятным наслаждением впихнул в него столь дорогостоящую находку.

В начале следующего дня во всех четырех вновь выкопанных шурфах старатели врылись в донный уровень былого течения ручья и понесли добытую ими горную породу к золотому устройству. Первые же пробы дали положительный результат. На суконном подстиле вашгерда после промывки величественно красовались желтоватые блёстки золотых, мелких и более крупных песчинок, и даже значительно большие кусочки таких же благородных находок. Золотостаратели ликовали, радости их казалось, не было предела. Осип обуреваемый теми же чувствами приподнятости, с совершенной для него непривычной заботой, то и дело прижимал к телу плотнее мешочек с первой дорогостоящей добычей. От бурного прилива радостных чувств он чуть было не пустился в пляс при первых золотых намывах на вашгерде, да вовремя опомнившись, громко проголосил:

– Мужики, всех поздравляю с удачей, а посему шагом марш на табор к столу. Сам бог велел таков фарт нам ныне обрызгать. Пообедам, передохнем, а потом и продолжим робить.

Истово перекрестившись, глядя на восток, он продолжал:

– Вот вам крест, за мной не заржавеет, всем уплачу, как уговорено. А ежели фарт улыбнется более ожидаемого..., само собой, вдвойне положу сверх обещанного каждому.

Окрыленные успехом, улыбочиво возбужденные старатели, за столь обнадеживающие слова, ответно расхваливали Осипа за обеденным столом. И хотя в этот день обед Бабтиным не был приготовлен, но и в этой ситуации он остался на должной высоте:

– А ну-ка мужики, по такушему гля нас радостному случаю..., мечи все, чо кладу на стол!

И на столе, его же заботливыми хлопотами, без промедления появилось: и сало, и омулевые, и сохатинные копчения, и даже каким-то чудом не успевшая еще повянуть разная, огородная зелень, вероятно припасенная им, как раз для такого случая. На радостях Осип вынул из котомки и получетвертную казенного производства бутылку водки и, разливая ее в жестяные кружки старателей, хлебосольно важно улыбаясь, воскликнул:

– Смирновская! По едакому случаю ребята, ить не грех выкушать по добренькой..., а?!

Не успели старатели, как выразился Осип, «выкушать по добренькой», как глазастее всех Фимка Новоселов, оборотившись, разглядел пятерых приближающихся к табору конных всадников. Выезжали они из стенистой густоты соснового леса несколько отдаленно маячившего в распадковом понизовье. Подъезжали налегке, без заводных выючных лошадей.

– Здоровы будем, люди работные! – оглушительно гаркнул здоровенный мужичина, осанисто завидно восседавший на высокорослом рыжем жеребце, первым, близко подступившимся к таборному столу из подъезжавших конников.

– Здоровы будьте и вы! – ответно, дружным приветствием отозвались и старатели.

– Нижайше просим к столу. Чем бог порадовал, тем и отобедаем за компанию – возвысившись улыбочиво над застольно восседающими золотомоями, пригласил гостей Бабтин.

Всадники спешили и, доставая из котомок личные столовые принадлежности и что-то еще из съестного, расселись за столом, потеснившись со старателями. Осип, наполнив все стоящие перед ним на столе кружки спиртным, и вновь широко улыбнувшись, предложил:

– С приездом, как грикса, вас мужички, но и ишо..., што б всех нас тут сидящих за столом, никакды не покидали фарт и удача!

Голосисто шумно присоединившись к тостующему, гости и старатели, дружно и звучно чокнувшись, точно единым залпом осушили кружки. Сидевший напротив жожака приезжих, Осип чуть склонившись над столом в его сторону, все так же улыбочиво спросил:

– Вы ребята, поди, не как по охотничьим делам тут справляетесь?
– Меня, кхе, кхе, Екимом кличут, Екимом Митричем. Тебя как? – грубовато спросил гость.

– Меня Осипом, Осипом Бабтиным – Осип встал и через стол подал руку. Гость протянул длань ответно, поднимаясь с места, и они сцепились в обоюдное крепкое рукопожатие.

– На охоту баешь..., но да на охоту..., канешна, а то куды ж ишо-то! – Еким помолчал, и нахмуренно посуровев лицом, заговорил с тяжелым металлическим оттенком в голосе – а ежели тебе ето шипка интересно..., так вот што я те скажу Осип. Это пошто ж ты тут хищничаешь со своими людишками на нашей золотодобыче местах.

– Как на ваших..., ето пошто же на ваших? – воскликнул, опешивши Бабтин.

– На ваших?!.. Так тут же нет никаких заявочных столбов! Может быть, у вас и казенная бумага, на то имеется? – не менее удивленно протараторил Кузьма Одинцов.

– Вы чо слепые чо ли, не видите наших шурфов? – подержал Екима один из его конников.

– Не..., ет шурфа сопсем не тбой делай. Ет Ли Цинсуна моя копай – вмешался неожиданно в разговор Анчикуоль. Вдруг он выскочил из-за стола и приблизился вплотную к Екиму:

– Ай..., ц, ц, цы! Сопсем не ладна отогда тбоя делай. Би дёчам синэ эр си бичен (Я вспомнил тебя, это ты был)..., ет тбоя, тбоя бил отогда чипка моя.

– Да! Тагдысь это я тебя бил! – взбешенно округлив глаза, дико заорал Еким – и шичас запросто морду тебе начищу и пропру отседова, ежель не будете сполнять тавды сказанного тебе неслух ты не русской веления мово хозяина!

– Како ишо тако веление хозяина..., и кто он?! – забрюзжал визгливо вспыливший и Осип.

– Вениамин Сергеич Ельчин, небось слыхал об таком?!.. А по сему, по первости с вас причитатся четверть от добытого, а ежель ишо здесь робить мыслите, то тока с половины. И не вздумайте, как-нибудь обманом юлить, али артачиться..., не советую..., тут и сгинете!

– Да ты, ишо и убивством грозишься?! – побелев лицом, вскричал взбешенно Бабтин и выскочив из-за стола, подбежал к жожаку здоровяку приезжих и поднес ему под нос кулак – заруби крепко себе на носу вражина ты эдакая, нисколь платить мы вам не будем.

– Ты на каво намахиваешься?! – в ответ гаркнул и начал вставать Еким.

Но в эту минуту старатели, как по команде выскочив из-за стола, схватились за оружие. Приезжие не успели ответить тем же. Осип вплотную приблизился жожаку и злобно прошипел сквозь зубы:

– А ну убирайтесь..., отселяя по добру..., по здорову..., а то мы вас тут всех сами зароем.

Еким медленно поднявшись с места и грузно ступая вышел из-за стола, за ним покинули застолье и его спутники. Отяжелело, взгромоздившись на жеребца, он, угрожающее зло, сверкнув глазами и ядовито ухмыльнувшись, членораздельно громко проговорил:

– Ну, што ж будь, по-твоему. Оно канешна, мы уедем..., но ежель ты не станешь сполнять волю мово хозяина, вернемся..., и тогда поляжете вы. Так што шире мысли старатель!

После отъезда коников Венедикта Елчина Осип вернувшись, тяжело опустился на лавку, облокотившись об стол, он, заметно погрузневший, обхватил руками голову, задумался. Старатели, охваченные теми же не легкими чувствами, столь же молчаливо подсели к нему за стол. Некоторое время на всех довлела еще и тяжело гнетущая тишина. Нарушил ее Кузьма Одинцов, обратившись к Анчикуолю:

– Ты что, в самом деле, сюда приходил с китайцами и этот верзила вас отсюда выгнал?

– Э! – согласно кивнув головой, тяжело выговорил проводник и опустив глаза, заметно потускнел лицом.

– А чо ж нам-то об том хошь словом не обмолвился – прожег его гневливо глазом Бабтин.

– Собсем ни знай ... – еще более сокрушенно покачал головой проводник.

– Вот тебе и не знай – негодуяще передразнил его Одинцов и взглянул на Бабтина – Ефимыч, в Иркутске, от людей, кто промышлял с нами золото в Баргузине, мне совсем недавно довелось слышать о злодейских делах некоего Елшина. Полагаю тот Елшин и этот Ельчин, не исключено одно и то же лицо. Если это так, то нам следует поскорее убраться отсюда.

– Как это..., да в уме ли ты..., мы ж тока начали мыть и вот те на убраться! – взревел Осип.

– Ет Кимка..., та Ельчикан, чипка худа люди, она миня отогда имай, мынога била. Лабренти, бэюктэдери, нуңан аиэ-ми минэ бини. (Лаврентий, он спас мне жизнь)

– Ефимыч, послушай Христа ради! Золото разведано, если мы сейчас благополучно уйдем отсюда и избежим нового столкновения с этими злодеями, то у тебя остается возможность подать в казну заявку, и ты в Дёлокане станешь законным хозяином.

– Каку таку ишо заявку..., чо я в том смыслу....

– Я тебе помогу, все оформлю, ежели ты примешь меня к себе приказчиком.

– Со мэргэпчу (Очень жаль) Оська..., но уходи нада – поддержал Кузьму проводник.

– И ты туда же, да ну вас к ядреной..., трусы несчастные..., увидали мужиков с ружьями и обделались – заорал вновь дурным голосом Бабтин.

– Учуне..., экэл тэпкэрэ (Тихо..., не кричи)! Кандаре..., элекин (Надоел ..., хватит)! Си минэ тылинни (Ты меня понял)? – вскричал и Анчикоуль.

Ничего не понявший из сказанного, Осип недоуменно, словно рыба вынутая из воды сунуло прошевелил губами полу раскрытого рта, а проводник прервав его молчание, продолжил настойчиво и громко – Со мэргэпчу..., эхиви манара эңнэрэ варэ (Больше, чем можешь съесть, нельзя добывать)...., но..., уходи Оська ..., чипка нада быстра.

– Но канешна, сичас все бросим да побежим – Бабтин поднялся и заговорил еще более решительно – волков боясь, в лес не ходят. Куда оне сичас подались, мы не знаем, но не седня и не завтра им суды не поспеть, воротится, потому, как надобно обо всем доложить етому Елшину. А ежели эдак..., то сичас, как отобедам, поднимаюсь, да идем робить.

До вечерней темноты старатели не разгибая спин, носили из шурфов и промывали породу. Были все, как и Осип Бабтин, непривычно задумчивы и угрюмы и за весь день не обмолвились и единым словом. На ночь на всякий случай выставили охрану и все поочередно отстояли караульными. Перед сном к Одинцову подошел Бабтин:

– Кузьма, пожалуй будет много лучше, ежель как ты баешь гуммагу состряпать.

– Конечно..., тебе же сказал, если в приказчики возьмешь..., я тебе во всем помогу.

– Тавды порешим так, завтра ты с Анчикоулем сколь сможешь, продолжишь промывку, а мы вчетвером накроем бревенчатым накатом с земляной насыпью все нами нарытые шурфы. Переночуем ишо одну ночь, а с утречка пораньше, дай бог подадимся от сель.

Увы, все свершилось совсем не так, как замыслил Бабтин, точнее все завершилось настолько трагично, что ни в каком дурном воображение Осип не смог бы и представить. Нет, как и условились на следующий день золотостаратели во главе с Бабининым, закрыли бревнами все отрытые ими шурфы, произвели земляную отсыпку, а по верху ее, тщательно обложили травянистым дерном, стараясь бесследно сокрыть свои работы. Все намытое Кузьмой Одинцовым и Анчикоулем, Осип Бабтин уединившись, сложил в свой сокровенный кожаный мешочек, а для убедительной сохранности, охватив его ремешком наискосок через плечо, разместил под пазухой левой руки.

День прошел в тягостно-напряженной обстановке, вечером при костре, в том же тяжелом настроении собравшись за столом, немногословно отужинали, и тем же часом улеглись спать, тепля надежду, что рано поутру, они покинут Дёлокан.

Глава 9

Медленно и напряженно приоткрыв веки глаз, Осип Бабтин очнулся после трехдневного бессознательного состояния. А вокруг стояла, высоко звенящая, недоступная слуху и до боли гнетуще-давящая на уши тишина. И хотя с каждым мгновением зрительно он все отчетливее воспринимал окружающую действительность, перед ним вырисовался отчетливо вновь и вновь в самых ярких красках все тот же жутко устрашающее могущественно грозный владыка несметных богатств подземного их сосредоточения. Правда в минуты каждого последующего прояснения сознания виделся он ему уже не как в первый раз, в восхитительно-роскошном, ослепительно изумляющей красоты и царственного величия дворце, а в каком-то уж больно маленьком и невзрачном, с низким прокопчено-задымленном сажевой чернотой потолком помещение. Но и сейчас это, невероятно могучего сложения, человекоподобное существо представало перед Осипом все таким же разодетым в богатые, невероятно дорогие, золочено парчовые одежды. Только с каждым новым прояснением сознания оно уже не вгоняло Бабтина, как первоначально в леденящий сердце страх и трепетный ужас, а к не малому удивлению совсем тихо и смиренно сидело на каком-то деревянном сооружении, глубоко задумчиво погруженное в свои мысли. Через минуту, другую, царственное величие поднялось и шагнуло к диковинной, но отменно, мастерово сложенной из дикого камня и глинистого сырца-кирпича печи. С её приступка взяло оно маленькое ведерко и, ступая шаркающим шагом, приблизилось к грубо сколоченному из досок столу, уселось за ним, лицом, обращенным в сторону Бабтина, на столь же грубо сколоченную лавку и приступило к чаепитию. Но что это? Осип от неожиданности даже содрогнулся. На его глазах с чрезвычайно ужасающим и страшно грозным властелином подземных сокровищ, произошло нечто невообразимое. Царственно роскошно разодетое существо куда-то исчезло, улетучилось, а в вместо него теперь Бабтину отчетливо виделся обычный живой человек.

За столом сидел старик лет шестидесяти, такого же крепкого и могучего телосложения, как и тот страшно грозный великан, разве что не столь громадного роста. Да и одежда старика, представляла сейчас собой не более как широкий и длинный, свободного кроя, причудливой формы балахон, сшитый, не то из какой-то драп дерюги, или просто из грубо сотканной мешковины, несуразно свисающий ниже колен. Космато-клочковатая и густо пронизанная серебряными нитями седины борода и того же окраса, длинно-вислые усы, и еще пока что воронёной смолю броско пылающие, лохмато кустистые брови, словно заросли лопушистого бурьяна, загустело, покрывали его лицо. Из-за таких же длинных, давно не чесанных, косматых волос, голова его казалась невероятно лохматой и большой, разительно не пропорциональной телу. И все это в совокупности напоминало в нем какого-то чрезвычайно огромного медведя. И хотя старик казался жутковато диким, и свирепым на вид, Осип несказанно обрадовался его присутствию и громко поздоровался. Но почему-то не услышал своего голоса, а старик, не откликнувшись в ответ, продолжал молчаливо сидеть и есть. Осип повторил более громко свое приветствие, и вновь не услышал себя, а космато-бородатый старик со всей очевидностью заканчивающий чаепитие, и в этот раз, как говорится, не шевельнул ни бровью не ухом. Насытившись и осенив себя крестом, он неторопливо убрал за собой все со стола, набил табаком трубку, чиркнул кресалом, и запалив трут, прикурил ее. Накутившись, старик поднялся из-за стола, шагнул к открытому чувалу печи, отвесил поклон огню, который вероятно там уже начал гаснуть, что-то пробормотал невнятно, перекрестился и вышел из зимовья. «Почему же это он не поздоровался. Разве што глухой...», али попросту не расслышал меня?» озадачил себя таким размышлением Осип. Как вдруг его сознание обожгла страшная догадка: «Да нет..., нет..., похоже, это я сам лишился слуха, а может быть и говорья, потому и не мог быть услы-

шан им!». Ужаснувшись от нахлынувшей догадки, Бабтин резким движением руки потянул на себя, то чем был укрыт, и в то же мгновение чудовищно нестерпимая боль пронзительно прошла его тело. Белый божий свет минутах назад, прояснивший сознание Осипа резко закружился, ослепительно заиграл жгучими огненными брызгами и стремительно мрачней, понесся от него куда-то, а он вновь погрузился в обволакивающе-крошечную темень бессознательного состояния.

Прошло некоторое время, Осип, в который раз пришел в себя все в той же цепящей и тонко звенящей тишине. Она по-прежнему была столь же высокая, наверно где-то уже на грани полного ее беззвучия и столь же ощутимо болезненно давила на все еще слабоустойчивое его восприятие окружающей действительности. Страшась раскрыть глаза из-за этого, он с новой силой ужаснулся, вспомнив, что онемел и оглох, и не исключено навсегда. Мучительно противясь такому осознанию, Бабтин, всем своим еще слабым существом напрягаясь, попытался уловить хоть какой-то сторонний звук, способен разрушить эту противно давящую тишину. Как неожиданно, в столь удручающую для него минуту он с превеликой радостью услышал стариковский, ласково-тихий голос, переходящий почти на шепот:

– Ну что, очнулся..., пришел в себя?

Осип вздрогнул, и в этот раз, легко и без всякого напряжения раскрыл глаза. Теперь он полно, различал яркие блики очагового огня на фоне, очевидно никогда не беленых сводах стен и потолка строения, в котором находился, и не только. Он хорошо видел перед собой старика, сидящего на чурбаке у очага, кутившего трубку, его лицо, сплошь заросшее длиннющим, точно смоль черным, но уже обильно посеребренным волосом и пронзающее цепкий, притягательно добрый взгляд его. Помолчав, старик поднялся, приблизился к Бабтину, склонился над ним, надсадно кашлянул и тем же тихим, но требовательным, сипловатым от курения, ласкающим слух голосом, вновь спросил:

– Парень..., слышишь ли ты меня..., ответь?

Осип с трудом разлепил спекшиеся губы и слабо, едва слышно обронил:

– С-лы-шу.

Очнувшись в этот раз, Бабтин, как ему показалось, продолжительно долго боялся даже пошевелиться. Но ответив старику, он каким-то чрезвычайно озадаченным взглядом окидывая его, растерянно-упавшим голосом спросил:

– А ты дедушка..., ето съ..., как его..., случаем, не подземного ли царства царь?

– Нет..., царям служил, было дело, а царем..., царем нет..., как-то не довелось побывать.

– Так..., чо..., во сне..., мене чо ли ето все пригрезилось?! – разочарованно удрученно не сказал, а надрывно простонал Осип, и с каким-то досадно тяжелым огорчением, в мыслях, глубоко занедоумевал: «И пошто же ето так-то скоропалительно прервался хошь и страшно жуткий, зато сколь уже эдакий украсно картинный сон».

Зрительно окружавшую действительность он, в этот раз пришедший в себя, воспринимал все еще смутно, а разочарованность от быстротечного исчезновения сновиденческой нереальности усиливалась, и он дрожащим от слабости полупшепотом, огорченно выговорил:

– А..., а где теперича-то..., я?

Старик, точно ожидал этого вопроса, тем же старчески полуголосьем ласково прошамкал:

– Так у меня болезный..., гостюешь ты.

Все острее ощущая в себе глухую боль и болезненно неприятную слабость во всем теле, Осип, долго боясь даже пошевелиться, осторожно потянулся руками. Они ему повиновались, и тогда он смелее ощупал ими край деревянной лежанки, на которой лежал. Поморщившись от испытываемых недоумоганий, Осип легонько кашлянул и все столь же растерянно, с не отступающим недоумением спросил у старика:

– А ты-то..., хто будешь?

– Хм! – добродушно усмехнулся старик, и помолчав, добавил – получается, твой спаситель.

– А как тебя зовут? – продолжал столь же тихо и слабо Бабтин.

– Служил отечеству, Лавром Минеевичем возвеличивали, ссыльным оказался, просто Лаврентием, а ныне..., пожалуй, лесным скитальцем, без рода, племени, так вернее будет.... А тебя как кличут?

– Не..., пом-м-мню... – еще более растеряннее и ослабевши, чуть слышно обронил Бабтин

– Но и не надо, в таком состоянии тебе это и не к чему – вновь помолчав, старик добавил

– Сейчас тебе полегчает, если то, что я тебе подам, ты выпьем.

Он приподнял Осипу голову, поднес к его губам небольшую кружку. Бабтин приоткрыл рот, глотнул и, ощутив остро терпкую горьковатость какого-то травяного настоя лечебного, то захлебываясь, то откашливаясь, медленными, мелкими глотками, осушил её.

– А теперь, давай-ка мил человек, заодно сменим на тебе и повязку.

Поддерживая, старик осторожно усадил Осипа на лежанку, и обильно смачивая иным резко пахучим отваром, очевидно из других таежных произрастаний, почти безболезненно аккуратно снял окровавлено подсохшую повязку с левого предплечья, наложил на рану размоченный в горячей воде, завяленный растительный лист и вновь перевязал. Затем с прежней старательностью омыл тем же отваром все прочие ссадины и ушибы на голове и теле больного, и вновь помогая укладываться ему на лежанку, он успокаивающее проворковал:

– Ну, вот и ладненько..., теперь отдыхай, набирайся сил, выздоравливай.

Осип, закрыл глаза, и почувствовал, как все разом прекратилось перед ним кружиться: и помещение в котором находится, и очаг, столь блаженно притягательно источающий тепло, и диковато обросшее лицо старика и грубо сколоченный древесно-дощатый стол, на котором лучилась жировая площадка, смутно вырисовывая тусклым светом рядом стоящее жестяное ведро, и горку с нехитрой посудой, прикрытой чистой, наверное, старательно стиранной не раз, тряпкой. И он погрузился в благостнооздоровительный для себя сон.

На четвертый день, после того как пришел в себя, проснувшись ранним утром Осип с уверенностью ощутил, тело его заметное чувствительно пополнилось здоровой силой. Оторвавшись с предосторожностью от постели и коснувшись босыми ногами пола, он медленно, уселся на край топчана. В столь ранний час, Осип более внимательно, чем до этого оглядел внутреннее строение, и убранство помещения в котором находился. Первое что сразу же бросилось в глаза, оно не имело привычного потолочного перекрытия. Над его головой высилась двухскатная бревенчатая кровля, как он разглядел, крепившаяся на так называемых «самцах и курицах с переводами», т. е. поперечинах, параллельных фронту балках, стягивающими стены сруба и являющимися крепежной опорой для стропил. Крыша, в таком случае, имела двойной слой из бревен, продольно колотых надвое, плотно подогнанных друг к другу: нижний – бревенчатым полукругом внутрь помещения, верхний – наружу. С таким устройством крыш Осипу уже доводилось сталкиваться, он знал, между слоями двойного настила в таком случае, обычно укладывают еще и листы бересты, а для усиления водонепроницаемости кровли, межбревенчатые стыки, обильно промазывают дегтем, или смолой. Оглядывая кровлю, он обратил внимание и на то, что стены этого необычного помещения, где только возможно, увешаны, множеством пучков завялено-сушеных трав, с самой разной формой листьев, стеблей и корневищ. Массивные бревна сруба, толщиной, немногим менее разве что в локоть, аккуратно отесанные топором. Снятие щепы лишь в углах сходило на нет, из-за чего внутри стопы они имели ту же цельно-округлую форму.

В Прибайкалье, в деревнях, где довелось бывать Осипу Бабтину, печи в избах русских крестьян, уже давно отапливались по белому, ложились в основном из кирпича и лишь изредка встречались еще и глинобитные. Печь в зимовье старика, выполненная по какому-то не известному Осипу образцу, стояла посредине строения и топилась со всей очевидностью по-черному,

так как дымоход, выходящий за пределы кровли, отсутствовал. Для освещения в ночное время вверху печной кладки имелась специальная печурка, где сжигалось смолье.

Топчан, на котором сидел Осип, стоял придвинутым впритык к стене, не более чем в аршине, напротив печи. По левую руку от него находились входная дверь и наглухо запираемое оконце. Прямо, по ходу от дверного входа громоздился обеденный стол, слева за ним уткнувшись в угол, смыкающий стены, деревянная лавка, справа от нее, не далее как в аршинах двух, печное, топочное чувало. Сруб зимовья наличествовал двумя косящатыми окнами. Одно озидало северную сторону, а второе восточную. Окна не превышали и локтевого размера, северное – затянутое брюшиной животного происхождения, восточное – мутно зеленоватым набором из стекольных осколков. Дневной свет через них проникал слабо и в зимовье царил полумрак. Лаврентий Минеевич, все прошлые сутки ухаживающий за Осипом, в этот утренний ранний час, звучно издавая переливистый храп, спал, на подстилке из слежавшихся плотно и плоско, свежо нарванных ранее трав, широко разметавшись на полу у очага в передней половине зимовья, положив в изголовье округлый древесный обрубок. «Это надо ж, каков добрейший старик, сам спит, мается на полу, а мне цельный топчан уступил!» – удрученно, вместе с тем благодарно тепло и восхитительно подумал Осип.

За печью, левее восточного окна ухоженно располагался передний красный угол. Осип поднялся с топчана, и покачивающейся неуверенной поступью, медленно приблизился к нему. Верхняя угловая полка, с локоть выше роста Осипа, лицевавшая диагонально передней части зимовья, являлась домовым иконостасом и на ней стояли четыре маленькие иконы, с поблекшим от времени ликом. Три выше, «Господь Вседержитель» по центру, слева святителя Николая Чудотворца, справа икона Пречистой Богородицы. Чуть ниже уровнем классического «триптиха», несколько меньше размером икона блаженного юродивого Лаврентия Калужского (о котором Осип ничего не знал). Значительно ниже иконостаса висели убелено-чистые и красно-расшитые рушники, а под ними с аршин от пола возвышалась такая же угловая полка значительно больших размеров и на ней прикрытая столь же чистой белой холстиной лежала, совсем еще свежая краюха ржаного хлеба. Осеня себя крестом, Осип, бубнящим тихим голосом произнес первые молитвенные слова:

– Во имя Отца и Сына и святого духа. Аминь.

Немного постояв в молчание и, почувствовав, когда все его мысли от всего окружающего земного отстраненно сосредоточились на обращение к богу, продолжил теми же благостно звучащими словами молитв, к каким с самого раннего детства приучала его когда-то мать.

Окончив молиться Осип, все так же зыбко и нетвердо ступая, поравнялся с окном, заслепленным брюшинной пленкой, слабо пропускающей божий свет. Отогнув в сторону боковой ее краешек, Бабтин невольно зажмурился. Проглянувший сквозь эту небольшую щель клочок солнечного ясного неба на какое-то время ослепил его безупречно чистой лазурной голубизной. В эту же щель следом ворвался порыв свежего лесного воздуха. Он был упоителен, переполнен приятно дурманящими запахами почвенной таежной прели и множественным разнообразием бурно взращенных на ней лесных трав. Улыбнувшись от прилива радостных чувств, Осип с глубоким, освежающим наслаждением вдохнул его в себя. Откуда-то из глубины буйств зарослевое чащобной, зелени, до его слуха донеслась свистяще незамысловатая песенка, вероятно мелкой лесной птицы, отчего его охватило еще более нежно-трепетное чувство, до глубины души взволновавшее его и он, ощутив учащенное сердцебиение, испытал неодолимое желание поскорее оказаться за зимовейной дверью, оглядеть все, и ко всему дотянувшись руками прикоснуться, дотронуться.

Тем ранним, летним утром Осип впервые вышел на крыльцо зимовья после того как оказался у Лаврентия Кочнеева и точно крепким хмелем опьяненный, стоял он покачиваясь и вдыхая с невыразимым наслаждением всю сладостную прелесть свежего таежного окружения. Лучи только что стремительно восходящего солнца, украсно озолотив всю бурно раз-

лохмаченную за лето зелень близлежащих кустов и деревьев, ярко и искристо играли всеми радужно световыми переливами над безбрежно-широкими просторами тайги. Еще на рассвете с южных гольцовых вершин, дохнул леденящей свежестью горный верховик. С восходом солнца он поутих, но настуженные им бело-ватные туманы, продолжали медленно сползать по при гольцовым распадкам. Заполняя холодной, белесо-дымчатой поволокой ущелистое низинные пространства центральной пади они засеребрили в кристально сверкающий блеск росную влагу на предосеннее желтеющих травах, довольно обширной безлесной поляны, где раскинулось жилье старика. Кинув взгляд по радужному многоцветию на столь заиневавшей растительности, Осип разглядел среди ветшающей ее загущенности два небольших клена, под «завязку» засаженные картошкой, с пожухлой уже ботвой и засеянное по весне с тем же видимо стариковским старанием урожайно доспевающей колосисто ярицей.

Преодолевая не отступающее головокружение, он, покачиваясь, медленно спустился с крыльца, высотой-то всего лишь в две ступеньки. Иным, чудесно обновленным грациозно умиляющим, вдруг предстал перед ним в такой час этот кипящий благостно-могучей жизненной силой мир, затеряно притаившийся в столь глухом месте таежно-горном. Все еще охваченные серебристо-инеевой изморозью первых утренних заморозков высокие травостои, далеко просматриваемые на этой таежной поляне и, молоденькие деревца и кустарники на ближайшем речном берегу, как и приземисто плоские крышные скаты построек, и жердевая их огорожа, обильно мокреющие на солнце, все, в это погожее утро показалось ему невероятно волнительным и прекрасным. Все полыхало какими-то изумляющее теплыми, броско выразительными красками. Заметно повлажневшими глазами озирает он в эти минуты здесь все вокруг себя, волнительно теребя шовные складки на груди своей рубахи. Окидывая окружающее восхищенным взглядом, ему, как никогда ранее, вдруг захотелось нестерпимо подойти, дотронуться до листьев, блекло потускневших при таяния инеевой заморози на смородиновой поросли, зарослево кустившейся у одной из стен зимовья. Шаткой поступью приблизился он, приник к ней, и прижавшись щекой к листе, покрытой водянистым увлажнением бархатным глубоко вдохнул в себя, ни с чем несравненный запах терпко ароматный их. Его окликнули, он обернулся и увидел Лаврентия Минеевича, сидевшего на крыльце. Осип подошел к нему и грузновато опускаясь, присел рядом.

– Ну, слава богу..., ты уже на ногах – прищурившись от яркого света, улыбнулся старик.

– Лаврентий Минееч... – Бабтин помолчав, кинул озабоченно на собеседника взгляд – Скажи, будь добр..., и как же это я здесь-то у тебя очутился?

– А ты не помнишь?

– Не-ет... – растянuto, сокрушенное растерянно помотал головой Осип отрицающее.

– В ту ночь, мне плохо спалось, а когда на рассвете в Дёлокане выстрелы загрели, решил дожидаться дня и сходить туда, посмотреть что там происходит. Прошло часа три, отпустил с привязи Мухтарку и пошел за ним вон туда. – старик махнул рукой в сторону распадка – Шел, шел, слышу, а он вверху косогора лает. Да лает, не как на зверя лесного, а навроде бы как жалобно умоляет меня подойти. Подхожу..., смотрю, а под скалой человек, совсем недвижимый лежит. Это и был ты. Ввалил я тебя на себя и как был ты весь в крови израненный, таким к себе и принес. Ну, а ныне получается..., слава богу, выходил тебя.

– А долго я здесь нахожусь?

– Так сегодня..., седьмой день, как пребываешь.

– Седь-мо-ой! – протяжно певуче, произнес растерянно Осип, как вдруг вплотную придвинувшись к Лавру Минеевичу, пристально взгляделся в его лицо. Что-то знакомое и далекое, как сон, показалось ему в чертах старика и Осип с обрушившейся на него неожиданностью, вспомнил, что где-то его уже видел. А тот, точно читал его мысли:

– Да, да, мил человек, мы уже встречались..., уверен, ты узнал меня. Все верно..., то была позавчерашняя суббота, я как раз баньку готовил, смотрю..., а тут вы пожаловали. Я подумал

поначалу, опять это варнаки Веньки Елчина подъехали..., ну и от того, так не ласково вас и встретил. Да хорошо, что с вами в тот раз Анчикоуль оказался.

– Анчикоуль?!..

– Ну, да он самый, Анчикоуль..., помнишь ли такого?

Осип поднялся с крыльца, вскинув голову и прищутив глаза, бросил пристально безотрывный взгляд, на засиненную дымчатость близ лежащих горных вершин, вкруговую возвышающихся над таежной поляной. Затем медленно опустил голову, Бабтин долго стоял, закрыв глаза не шелохнувшись, только скрюченно натруженные пальцы, от тяжелых крестьянских работ мелко подрагивая, суетно перебирали складки одежды. Как вдруг, лицо его судорожно исказилось, а по щекам на бороду покатались мелкие бусинки слез. Круто обернувшись к старику, он здоровой рукой наотмашь смахнул их, и еще более пристально, точно внимательно изучающее вгляделся в его обличье:

– Кажись, вспомнил... – и, резко понутив глаза себе под ноги, продолжил – Так чо получатся..., ето к тебе чо ли мы суды..., по пути в Дёлокан заезжали?

– Ну да..., да..., так все и было!

Осип, вновь порывисто устремив куда-то, в сторону растерянный взгляд, какое-то время задумчиво, что-то там, казалось, рассматривал, при этом: то волнительно расстегивал и застегивал пуговичный ворот рубашки, то более спокойно поглаживал чуть подрагивающими заметно потончавшими пальцами руки усы и бороду. Старик, наблюдая за происходящим, даже не пытался нарушить затянувшуюся паузу в разговоре, немало повидавший в жизни, он хорошо понимал, что может в такую минуту происходить в душе у собеседника. Оборачиваясь лицом к Лаврентию Минеевичу, Бабтин переспросил:

– Как ты сказал..., варнаки Веньки Ельчина?

– Так точно..., так о его людях я и упомянул.

Осип снова непродолжительно помолчал и продолжил:

– Лаврентий Минеевич..., а ить, ето ж оне были?

– Кто..., они... были?!..

– Я спомнил..., как утресь того дни на нас напали люди..., етого..., как его..., Ельчина.

– Я знаю – перебил Осипа Лаврентий Минеевич.

– Откуль?

– Когда метался в беспамятстве, ты страшным матом крыл Екимку, да и Ельчина поминал не добрым словом. Я ходил в Дёлокан и видел, за что ты их так немилосердно костерил.

Лавр Минеевич, тяжело вздохнул, сокрушенно покачивая головой:

– Это надо ж, сколько людей эти сукины сыны угробили... – и страдальчески грустно речь завершил свою – Тела-то я там их подобрал и по-божески земле предал, как полагается.

Осип, пошатываясь, поднялся по ступенькам крыльца, и распахнул дверь в зимовье:

– Минейч..., пойду я, прилягу..., а то плывет пошто то все в глазах..., качается.

Лавр Минеевич поднялся следом и, поддерживая его, помог дойти и лечь на топчан. Укрывая его холстиной, он ласково проворковал:

– Ты слаб еще очень, давай-ка парень пока что подольше отлеживайся, да набирайся сил.

Как будто в минуту тех только что сказанных стариком успокаивающее добрых слов он окунулся в снотворно-благое состояние своего немало настрадавшихся в последнее время тела, как перед ним вновь замелькали, запрыгали разные жуткие страшилища из ползучих гадов, рогатых чертей и еще каких-то безобразных чудищ с их леденящим сердце душераздирающим диким хохотом. И Осип с глубоким, учащенным дыханием в груди, весь в поту холодном порывисто резко оторвался от постели, и долго оглядывая все вокруг, приходил в себя, сидя на топчане, совершенно не понимающее где находится.

– Ты чего Осип, что-то неладное пригрезилось – метнул в его сторону обеспокоенно взгляд. входящий в зимовье Лаврентий Минеевич

– Аха!.. будь оно не ладным ето и золотишко што б я за ним кавды-то ишо хошь раз ходил –отозвался Бабтин глухо и повалившись обратно обессилено в постель дополнил совершенно спокойно более звучно засыпающий – ежли каким-то чудом в живых-то и остался.

В полдень, когда Лаврентий Минеевич накормил проснувшегося Осипа сытно-вкусным обедом, тот попросил старика присесть к нему на топчан и рассказал, как произошло нападение бандитов Елчина в Дёлокане.

Глава 10

Весело лепетал костер золотостарателей, высоким языкастым пламенем озаряя ближайшую около таборную округу. Слышно было, как во временной огороже лошади аппетитно похрупывают овес. Где-то раз за разом страшно ухнул филин и точно лесной леший захохотал. Ему ответно, в ту же минуту зачистив, зло отозвалась, заверещала какая-то видимо более мелкая ночная птица. И все стихло. На востоке над гольцами заалел небосвод, не нарушая благостно дремлющую таежную тишину, и ничуть не вторгаясь в ночную лиловую тьму. Но незаметно словно крадучись, рассеивая её, в след за утренней алой зарей, величаво разгорающейся на востоке, надвигался неуклонно дневной рассвет. С гольцовых круч, вначале всего лишь легким дуновением, а затем все более крепчающим свежачком потянул Верховик. Прошелся легонько по мелким высокогорным лощинам и дохнул там студеным хиусом, сгустившись же в Дёлокане, с гораздо большей силой вымелся он из горловины его узкой и стремительно понесся по пади, обдавая леденящим холодом растительность и живность её всякую. А у сбавляющего пламенем и жаром таборного костра, разметались в приятных и не особо сладостных сновидениях золотомой Бабтина, где перемешиваются: сопение, равномерное с залиvisto могучим храпом, а то вплетаются средь того, сонный вскрик, сдавленный стон, или нечленораздельное бормотание, непомерно уставших за день людей. В эту ночь они даже и не позаботились о том, чтобы выставить караульный дозор.

Может быть, поэтому Осип спал столь чутко, и от того его предельно обостренный слух уловил легкий треск мелких на землю древесных сучьев опавших, раздавшийся где-то поблизости «Нако надо подняться да поджечь огонь, не захирел бы он» – в полудреме Бабтина мелькнула мысль. Но то ли за прошедший день порядком подустал, то ли ленца крепко поприжала к лежанке и он, продолжив бороться со сном, так и не оторвался от нее.

Вдруг неожиданно разом испуганно захрапели и диковато затопотали копытами кони. Осип, вмиг расставшись с сонно притягательной одурью, словно гольшом обданный ледяной водой, вскочил на ноги и охваченный тяжким испугом, громкоголосо заорал:

– Мужики!.. Вставай..., вставайте!

Старатели, мгновенно проснувшись, повскакали с лежанковых постилок. Полусонно зрячими глазами они какое-то время испуганно пялились в окружающую их предутреннюю полутьму, но ни чего там не углядев, и не понимая причины поднявшейся суматохи, все враз вдруг невпопад загалдели, заголосили. Федька Крест бестолково прокричал громче всех:

– Леший етось..., леший лесной, бродяжной, страшено-дикой!

– Чур, нас, чур! – истошно, еще более горласто вопил Васька Коршун, осеняя себя крестом.

Фимка Новоселов лихорадочно содрогаясь, всем телом, тоже неистово крестился, но сумев пересилить страх, опомнился и кинул в костер охапку сухих с хвоей сосновых сучьев.

Огонь с шумным треском взвился большим веером пламенным и резко отодвинул от костра темноту. А из нее оглушительно и громоподобно разверзся ружейный выстрел. Был предупредительный он явно, потому как настильная пламень его из кустов, прилегающих к табору в искрометное мгновение промелькнула почти над головами старателей.

– Осип, это я Еким! Ежели не хошь подохнуть, подходи суды первым, один и безоружен – в след раздавшемуся выстрелу через секундное время прозвучал громко-крикливый голос.

Но, не смотря на такое грозное предложение, суетно заполошный топот ног, одичалый ор бестолково мечущихся золотомоев еще какое-то время продолжались. Анчикуоль первым опомнившись, прекратил метание, схватил винтовку и, увлекая за собой Осипа, бросился к лиственной колоде у костра, за которой они, как за укрытием, плашмя распластались.

– Вот подлец, он ить отрезал нам отход вниз по распадку! – прохрипел охваченный суетой и кипящим гневом Бабтин и опасно высунувшись из-за колоды, разразился еще более страшными матерными ругательствами. В ответ, гроыхнул повторный выстрел.

– Оська, нада Дёлокан туктыми (взойти вверх) к анда Лабренти сурудем-вка тургэнди (надо отходить быстро).

Из кустов, где находились нападавшие, вновь послышался воинственно-зычный голос:

– Эй..., там, у костра..., не вздумайте сопротивляться, вы окружены!... Предлагаю всем по-хорошему лечь без оружия на землю и не двигаться. А ты Осип напрасно артачишься, лучше выходи по добру по здорову суды ..., тут как следоват обо всем договоримся.

Федька Крест и Васька Коршун, безропотно подчинились нападавшим, и словно безоговорочно сдающиеся в плен, в мгновение, подняв руки, проворно распростерлись на земле. Фимка Дранный в отличие от них кинулся прочь от табора, устремившись вверх по распадку. Дико охваченный паникой он без оглядки, точно быстроногая лань, стремглав пересек лесок, в котором более недели таборовались золотодобытчики и столь же быстро преодолев безлесное пространство, сломя голову вломился в гущину ветвисто-высокого черемушника. Без разбору проломившись через него, он выбежал на сплошь усеянную огромным, валунным камнем россыпь, и оторопело остановился. Из-за ближайшей каменной глыбы, поднялись двое здоровенно крепких мужиков с ружьями наизготовку и двинулись к нему. Федька Крест и Васька Коршун глядя на стремительно убегающего Фимку, в мгновение, опомнившись, неожиданно вскочили и кинулись вслед ему, но сраженные ружейными выстрелами наповал, попадали замертво, отбежав не более как с десятка саженей от табора. Кузьма Кривой, с не меньшей проворностью разбросал жердевый запор конской огорожи, вскочил на первую, подвернувшуюся ему под руки лошадь и вслед за покидающими табор пустил ее в бешеный намет. Сорвались с места и другие лошади. Осип, ухватившись за узду одной из метущейся мимо, вскочил на нее. Нападавшие, из тех же кустов произвели еще несколько выстрелов. Выглянув из-за укрытия, Анчикоуль вскинул оружие и ответил в сторону стрелявших.

В этот момент Осип успел разглядеть, как Кузьма, медленно повалился с коня, а сам, покачнувшись от сильного удара, пришедшегося где-то возле левого плеча в руку, остро ощутил, как там обильно помокрело. Помутнело в глазах, и он, слабая, в то же мгновение повалился с лошади. Но подхвативший его Анчикоуль, перехватил уздцы и, запрыгнув вторым седоком, пустил её в галопирующую скачку. Лошадь не менее стремительно, чем Фимка Дранный преодолела лесок, открытый травостой распадка и вломилась все в тот же густой черемуховый чащобник. Всадников нещадно хлестали раскидистые его ветви. Но вот кустистая зелень закончилась, и перед ними широко раскинулась труднопреодолимая серость валунно-каменистой гряды рассыпной, полого вывершивающейся где-то далеко в высокогорье. Конь под всадниками, на всем скаку налетев на этот разброс большой каменистости, резко остановился. Осип и Анчикоуль, едва удержавшись на нем, неожиданно увидели, как правее их, в саженях двадцати, или немногим более, на краю лесополосы, стоит с поднятыми руками Ефимка, а к нему подходят двое вооруженных людей, с направленными на него стволами ружей. Анчикоуль вскинув оружие, выстрелил в их сторону и с силой понукал лошадь. Конь, пружинисто скакнув, мелко зачастил по мало хоженной тропе, виевато петляющей между крупными каменными глыбами. Один из направлявшихся к Ефимке Драному, выронив ружье, завалился меж валунов, а второй резко обернувшись, ответил выстрелом. Где-то близко над головой Бабтина пронзительно цвиркнула, пропела пуля. Анчикоуль успел передернуть винтовочный затвор, и еще одним метким выстрелом повалил и второго, только что стрелявшего в них. В те же самые секунды раз за разом сухо прогремели еще два выстрела. Выронив винтовку, Анчикоуль охнул, схватившись за грудь, свалился с коня, который тоже, как споткнувшийся, ничком рухнул наземь, но тут же пытаясь подняться, стал медленно переворачиваться на спину. Переворачиваясь, он чуть было не подмял под себя Осипа, и душераздирающе трубя предсмертным стоном, кон-

вульсивно, судорожно замесил воздух всеми конечностями. Бабтин, успел выскользнуть из-под него и увидел, как с той стороны, откуда только что раздавалась поражающая пальба, прыгая, то по глыбам, то виляя между ними, к нему резво приближались, наставив оружие, еще двое стрелков. Осип, залег за ближайший валун и подтянул к себе винтовку Анчикоуля. Вогнав патрон в патронник, приподнявшись, он вскинул ее и, не целясь, выстрелил в приближающихся недругов. Чуть помедлив, Осип снова высунулся из-за валуна, и увидел, как те двое нападающие на него, смешались, и тоже попадали за каменные укрытия и принялись оттуда бухать наугад.

Пальба грохотала несусветная, горное эхо, многократно умножая, раскатистым громоподобием разносило ее далеко в округе. Но, очевидно не обнаруживая Бабтина визуально, они прекратили беспорядочно стрелять. Воспользовавшись тем Осип, извиваясь словно уж, пополз между камней, отступая в сторону лесистой окраины россыпи. Достигнув ее, он, слегка отдышавшись, скрылся в буйно пышущей зелени лесополосы. И только здесь Бабтин позволил себе оторваться от земли и сесть. Произвольно охватив себя взглядом, он с некоторым даже удивлением обнаружил, что вся его рубаха, а кое-где штаны залиты кровью. Увидев это, он неожиданно почувствовал, как из-за большой кровопотери, его нестерпимо противно одолевает тошнота и кружится голова. Сотрясаясь от лихорадящего озноба, большим усилием преодолевая боль и скрипя зубами, он с трудом скинул с себя рубаху. К счастью рана оказалась сквозной, пуля продырявила левую руку возле самого предплечья. Струпное покрываясь свертывающейся кровью, она теперь всего лишь слабо сочилась сукровицей. Надлежало безотлагательно сделать перевязку, но ее осуществление затруднял потайной мешочек с золотом, и его пришлось так же снять и отложить в сторону. Здоровой рукой и зубами Осип оторвал длинной полосой нижний край рубахи и как смог ту же обмотал рану. И только он с тем справился, как сквозь зелень черемухового куста разглядел, что прямо на него идут те же самые двое. Выставив перед собой наизготовку оружие, они шагали, молча, пригнувшись, ступая мягко и бесшумно по-кошачьи, как ходят бывалые таежные следопыты. Затаиться, ни возможности, не времени не было, как и что-то соображать, и Осип машинально схватил винтовку, передернув затвор, выпалил наугад в их сторону и сорвался с места. В след прогремело два бесцельных выстрела, потом вдогонку еще несколько и все стихло. Вероятно, преследователи не решились следовать тут же по его пятам и на время отстали. А он, неплохо укрываемый растительной зеленью лесополосы, даже приостановился, прислушался и, убедившись в отсутствие погони, преодолевая головокружение и слабость, зачастил мелкой поступью по косоугору вниз к бережной окраине ручья Дёлокан. Добежав и спрыгнув под невысокий, но отвесно обрывистый яр, он с ходу упал возле водяного уреза, отдышался, и крупными, жадными глотками начал вбирать в себя ломящую зубы студеною воду. Пил долго, с короткими передышками. Оторвавшись от воды, Бабтин подобрался и, усевшись поудобнее, ощутил очередной остро нарастающий тошнотворный приступ. Перед глазами все замельтешило и куда-то поплыло. Осип закрыл их и, как ему показалось, на мгновение провалился в забытие, потому как, не вольно, вероятно пребывая не то во сне, не то в беспамятстве повалился на бок, вздрогнул, услышав свой громкий, затрудненно тяжкий храп.

Голова почти перестала кружиться, отступила тошнота, и только не прекращался нудновато донимавший его звон в ушах, как и все еще чувствительно преследовавшая слабость. Он подобрал трехлинейку, встал на ноги и, передернув затвор, убедился – патронник винтовки пуст. Закинув ее ремень на здоровое плечо, Бабтин осторожно ступая в быстротечную воду ручья и неустойчиво покачиваясь на донных, каменистых неровностях, перебрел говорливое его стремя. Пологим скатом противоположного берега, пошагал он молодежавым, редко-вато поросшим леском смешанным. Вскоре Осип подошел к крутосклонному подножью правого косоугора распадка Дёлокан, котловина которого здесь заметно мельчала и вывершивалась, уткнувшись в верхотуру станového горного кряжа. Солнце уже довольно высоко поднялось над

седовато-угрюмыми вершинами каменно-обнаженных гольцов. Нарождающийся день обещал быть жарким. Среди кучковатых нагромождений из разного размера каменных глыб густо усеявших косогор одиноко высились: то вековые сосновые дубасы, то их же мелкорослая молодежь, с завидным упорством цеплявшаяся за малопригодную для их произрастания почву. Горечь источаемой смолы сосновой, густо с терпко-крепким запахом смешиваемая их же хвойной зелени усиливала головокружение. Осип вынужден был чаще останавливаться, и подолгу унимая учащенное дыхание дожидаться, чтобы слабость и кружение менее ощутимо проявляли себя. Чем выше поднимался он на косогор, тем более усеянным огромными каменными нагромождениями и высокими скальными выступами становился его верх, тем труднее для преодоления становились обрывистые осыпи. Вывершив, и пытаясь обойти одну из таких опасно осыпающихся круч, Бабтин в мгновение ощутил, как под его ногами ожила неожиданно, легко подвижная, мелко-каменистая дресва. Грохотно осыпаясь, она, увлекла за собой и его, и Осип полетел куда-то вниз.

Он упал возле стенки высоко отвесной скалы, сильно ударившись головой о гранитную ее поверхность и погрузившись во тьму, потерял сознание. Саженью выше, сиротливо висела его винтовка, зацепившись ремнем об острый выступ скалистый. Какое-то время спустя, тьма, всецело обволакивающая сознание Осипа куда-то расступилась, и ее безраздельное господство сменилось, точно в сказке на цветное превосходно украшенное видение:

Он шел какими-то нескончаемо длинными переходами коридорными и беспрерывно перед ним открывались, и закрывались следом красивые двери высокие. Но вот распахнулись бесчисленно очередные, и он как бы вплыл в неописуемо-красивый дворец огромнейший. Величественно высоченные стены из бело-розового мрамора, сплошь украсно покрытые убористо самой что ни на есть виевато затейливой росписью. Такие же высокие, как будто точеные колонны мраморные, изящно-прямые подпирали потолок, неимоверным блеском искрящийся и переливающийся броским разноцветьем камней самоцветов самых драгоценных. Откуда прямо из стен в величественный храм этот лился пронзительно яркий свет. А вдоль тех стен высоких неимоверно большущими насыпями громоздилось золото, блистало ослепительно. И на этот, столь притягательный сердцу Осипа благородный блеск падал тот самый ярколучистый свет и от того оно казалось, полыхало еще более восхитительным блеском переливистое желтым. Бабтин уже хотел было кинутся к золотым насыпям, чтобы завладеть ими, как из противоположной стены, точно распахнув ее, неожиданно вышел огромный великан и грозно охватил его огненно подобным взором. Вне сомнения, это было неземное существо, но человекоподобное, огромного роста и могучего сложения. Облачено оно было, в неописуемо роскошное одеяние, не иначе, как виделось Осипу, из золототканой атлабасной парчи пошитое, какие носили в стародавние времена исключительно высоко вельможные и царствующие особы. Такие сказочно-богатые одежды Бабтину доводилось видеть не единожды на красочных картинках учебников в школьные годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.